

А.П. ЧИРКОВ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРАВА

Учебное пособие

алининград
1996

Комплексно исследуется проблема юридической ответственности. На основе анализа правомерного поведения приведены аргументы в пользу существования позитивной юридической ответственности. Раскрывается механизм взаимосвязей между ретроспективной и позитивной юридической ответственностью, чем обосновывается концепция правовой ответственности как единой целостной категории.

С позиции структурно-функционального подхода доказывается, что институт юридической ответственности является межотраслевым комплексным образованием в системе права.

Предназначено для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, а также работников правоохранительных органов.

ВВЕДЕНИЕ

Очевидно, что эффективное решение вопросов, связанных с построением гражданского общества и правового государства, предполагает совершенствование законодательства, в том числе направленного на повышение роли и значения юридической ответственности. А это, в свою очередь, предполагает дальнейшие научные исследования и разработку проблем юридической ответственности.

Вопрос о понятии юридической ответственности и круге охватываемых ею отношений относится в науке к числу дискуссионных. Ряд специалистов по общей теории права: С.Н. Братусь, Н.С. Малеин, И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин и др., а также специалисты-отраслевники Д.Н. Бахрах, В.И. Иванов, И.Л. Петрухин, А.А. Пионтковский, А.И. Санталов, Я.Н. Шевченко и др. считают, что юридическая ответственность состоит лишь из одного аспекта - ретроспективного. В трудах указанных авторов решено немало вопросов по проблеме ретроспективной юридической ответственности, хотя круг их далеко не исчерпан; к тому же ряд вопросов в предлагаемых ими решениях не всегда бесспорен, например, по вопросам отграничения института мер защиты от института ретроспективной юридической ответственности, по вопросу так называемой безвиновной ответственности, о моменте возникновения правоотношения ответственности, о соотношении наказания и ретроспективной юридической ответственности и т.д.

В свою очередь, вопросы позитивной юридической ответственности в той или иной мере исследовались в литературе по общей теории права В.Н. Кудрявцевым, О.Э. Лейстом, Н.И. Матузовым, Б.Л. Назаровым, П.Е. Недбайло, В.В. Оксамытным, М.С. Строговичем и др. Имеются многочисленные исследования по этой проблеме и в литературе по отдельным отраслям права (В.А. Василенко, В.С. Прохоров, В.Н. Смирнов, Л.В. Сперанская, В.А. Тархов, Э.С. Тенчов и др.). Этими авторами путем анализа действующего законодательства теоретически доказывается ее нормативно-правовое бытие, обосновывается сущность, роль и значение позитивной юридической ответственности, предпринимаются попытки рассматривать ее в качестве одной из частей единой категории - юридической ответственности и т.д.

Однако, говоря о единой категории юридической ответственности, не приводятся достаточно бесспорных аргументов, дающих основание для такого вывода; упускается из поля зрения и тесный контакт позитивной юридической ответственности с иными формами социального регулирования, например моралью, этикой, трудовыми обычаями. Кроме того, в исследованиях остаются открытыми такие вопросы, как реализация позитивной ответственности не только путем исполнения правовых обязанностей, но и путем осуществления лицом своих прав. Указанное различие

должно находить, как обосновывается в настоящей работе, отражение и в неоднозначном подходе к позитивной юридической ответственности, что объективно предполагает ее видовое различие.

Единство позитивной и ретроспективной юридической ответственности предполагает также специфический подход к рассмотрению правовой природы последней, служит предпосылкой выявления ее сущностных характеристик.

Указанный методологический подход, положенный в основу исследования, дает возможность иначе взглянуть на соотношение института ретроспективной юридической ответственности с институтом мер защиты и наказания, а также на отношение юридической ответственности.

Практически неизученным до настоящего времени является вопрос о том, можно ли рассматривать юридическую ответственность в качестве межотраслевого комплексного правового института. Б.Т. Базылев предложил в отношении ретроспективной юридической ответственности решить данный вопрос в структурно-предметном плане. Однако до сих пор отсутствуют исследования, обосновывающие становление и развитие указанного института, а также института юридической ответственности в единстве его ретроспективного и позитивного аспектов в структурно-функциональном плане, то есть через влияние связей между структурными подразделениями, входящими в них. Это тем более важно, что наличие такого межотраслевого комплексного института юридической ответственности в системе права объективно предполагает законодательное оформление в виде соответствующего нормативного акта. Законодательного упорядочения требуют и более мелкие межотраслевые комплексные институты ретроспективной юридической ответственности, например институт имущественной ответственности. Эти и другие вопросы рассматриваются в этом учебном пособии.

ГЛАВА I

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

§ I. Понятие социальной и юридической ответственности

Исследование проблемы ответственности следовало бы начать с ее определения, однако нужно заметить, что выработка такого определения представляет известные трудности. На уровне обыденного сознания всем известно, что такое ответственность, значение которой легко улавливается из контекста. Однако обыденного оперирования термином “ответственность” в той или иной науке уже недостаточно. Между тем, при первой же попытке дать научное определение понятия ответственности, выясняется, что это понятие довольно многозначно, а сама проблема ответственности весьма многогранна. Так, в рамках даже одной какой-либо науки (в социологии, психологии, правоведении т.д.) термин “ответственность” используется для характеристики разных явлений и для описания различных сторон поведения субъектов.

Р.О. Халфина справедливо считает, что: “В последние годы делаются попытки толковать этот термин с точки зрения его филологического значения”. Далее она указывает что в праве термин “ответственность” давно приобрел вполне определенное содержание, отличающееся от общеупотребительного. Значение указанного понятия заключается, по ее мнению, в отрицательных последствиях для лица или организации, допустивших противоправный поступок. Исходя из такого определения содержания юридической ответственности, Р.О.Халфина резюмирует, что ответственность - это специальный термин, не имеющий ничего общего с его общеупотребительным пониманием¹.

Однако “общеупотребительное” понимание ответственности - емкое понятие и включает помимо позитивного аспекта также и ретроспективный аспект.

Оба значения термина “ответственность” давно используются в науке и в равной мере широко употребляются в законодательстве.

Современное традиционно сложившееся представление о юридической ответственности предполагает рассмотрение последней как ответственности-наказания, санкции. Однако, хотя ретроспективная ответственность и сконцентрирована в юридической, последняя не исчерпывается ею, равно как “общеупотребительное” понимание ответственности распространяется не только на собственно социальную, но и на юридическую ответственность².

¹ См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С.316-317.

² Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Ответственность в системе конституционных норм. Воронеж, 1985. С.8.

Правовая ответственность является одним из видов общей социальной ответственности и соответственно во всех главных существенных моментах обладает присущими последней свойствами. Следовательно, обращение к проблеме социальной ответственности при исследовании правовой ответственности, безусловно, необходимо, так как это дает нужные методологические посылки для более глубокого, фундаментального исследования изучаемого явления. Поэтому общее понятие социальной ответственности составляет методологическую основу, на которой должна строиться, на наш взгляд, конструкция правовой ответственности.

Ответственность - это явление, которое объективно существует как обязательное проявление упорядоченности общественных отношений; оно отражает объективную необходимость согласования поведения субъектов социального общения.

Социальная ответственность, ее бытие обусловливается необходимостью соподчинять, координировать и корректировать в процессе совместной деятельности действия каждого с действиями других, частный интерес согласовывать с общим. Следовательно, уже тогда, когда имеет место взаимодействие в простейшей форме - двух человек, связанных одним делом, уже тогда возникает ситуация, о которой можно говорить как об отношении ответственной зависимости³.

Объективная необходимость в упорядочении и регулировании отношений между людьми, которая реализуется в должном поведении, аккумулирует содержание социальной ответственности. Формой ее выражения служат социальные нормы, которые находят свое закрепление не только в правовых актах - кодексах, законах, но и в уставах общественных организаций, программах, правилах социального общения.

“Необходимость, проявляющаяся в качестве социальной нормы - это субъективно присвоенная необходимость, стало быть, изменившая форму своего бытия, ставшая необходимостью для нас”⁴.

Социальные нормы авторитарны, что означает характер и степень связанности корреспондента нормы ее требованиями. Каждая норма имеет соответствующую санкцию, которая обеспечивает воплощение в действительность требования социальных норм, а следовательно, является и средством обеспечения ответственного поведения индивидуума.

Следовательно, ответственность есть не что иное, как выполнение нормативных требований, а сама нормативность является неременным свойством ответственности.

В структуру социальной ответственности входят такие элементы: объективная и субъективная стороны, субъект и объект. Разумеется, об ответственности в единстве всех этих элементов мы правомочны говорить, лишь когда последняя рассматривается нами в динамике. Объективная сторона ответственности выступает как совокупность требований,

³ См.: Плахотный А.Ф. Проблема социальной ответственности. Харьков, 1981. С.25.

⁴ Плахов В.Д. Социальные нормы: философские основания общей теории. М., 1985. С.76.

предъявляемых обществом к своим членам или коллективам в виде принципов, норм, выражающих общественную необходимость. Причем мера ответственности субъекта зависит от общественной значимости его поведения, а поэтому от занимаемого им общественного положения, профессии и других социальных ролей, в которых он выступает в разных областях своей деятельности.

Однако очевидно, что “объективное содержание ответственности не выполнит своего социального назначения, если не будет обработано сознанием личности и не выльется в поведенческое решение”⁵.

Субъективная сторона социальной ответственности проявляется как осознание субъектом социальной действительности, где основой субъективной стороны социальной ответственности выступает наличие свободы воли человека.

Категория свободы воли в философии выражает субъективный компонент целесообразной социальной деятельности индивида, которая органически связана с пониманием им ответственности за результаты своей деятельности. Ф.Энгельс справедливо заметил, что “невозможно рассуждать о морали и праве, не касаясь вопроса о так называемой свободе воли, о вменяемости человека, об отношении между необходимостью и свободой”⁶.

Социальная ответственность, любой ее вид базируется на способности индивида сознательно и по своей воле следовать предъявляемым требованиям, согласовывать с ними свою деятельность и поступки.

В поведенческом акте человека объективное и субъективное сливаются в единое целое, и, таким образом, ответственность рассматривается как надлежащее выполнение должного⁷.

Нельзя согласиться с авторами, которые видят в социальной ответственности лишь ее субъективную природу. Так, К.А. Новиков пишет, что “ответственность - это понимание индивидом общественных последствий своих действий, управление поведением в соответствии с должным и, следовательно, превращение должного во внутреннее побуждение”⁸. Ясно, что при такой трактовке ответственности уходит из поля зрения ее первичный момент - объективный, и акцент делается, таким образом, на внутренней психологической стороне ответственности.

Субъектом социальной ответственности является личность, коллектив, социальные общности (народ, социальные группы, класс), общество в целом и представляющие его органы. Объектом социальной ответственности выступают различные акты деятельности, реализующиеся через систему общественных отношений, охватывающих все общество. Следова-

⁵ Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976. С.44.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.115.

⁷ См.: Прохоров В.С. Преступление и ответственность. Л., 1984. С.119.

⁸ Новиков К.А. Свобода воли и марксистский детерминизм. М.,1981. С.121.

тельно, обществу в целом и каждой его составной части (элементу) присуща социальная ответственность.

В социально-философской литературе все сказанное выше об ответственности образует ее так называемый позитивный аспект. Между тем в социальной ответственности наряду с положительным аспектом существует и ретроспективный аспект. Социальная ретроспективная ответственность является ответственностью за совершенное нарушение социальных норм. Ее реализация влечет неблагоприятные последствия для нарушителей социальных правил поведения. В ней выражается реакция на факт нарушения со стороны общества, государства. Причем главным в характеристике ответственности во всех случаях выступает позитивный смысл⁹.

Поскольку правовая ответственность является разновидностью социальной ответственности и отличается от всех других видов социальной ответственности (политической, моральной и т.д.) лишь тем, что она основана на нормативных требованиях, обеспечиваемых в необходимых случаях государственным принуждением, то ей также присуще единство позитивных и ретроспективных аспектов.

Поэтому явно просматриваемую в юридической литературе тенденцию к характеристике юридической ответственности не только в ретроспективном плане, но и в позитивном аспекте, следует признать в целом конструктивной. Это связано с тем, что исследование природы юридической ответственности осуществляется в таком случае, исходя из ее социально-философского понимания. Данный способ позволяет наряду с общим для всех видов социальной ответственности высветить то особенное, индивидуальное и сущностное, что отличает только юридическую ответственность.

В настоящее время многие ученые - специалисты по общей теории права и по отраслевым юридическим наукам - отстаивают идею о конструировании юридической ответственности в широком плане, т.е. выходящем за рамки рассмотрения ее лишь только как последствия правонарушения. "Можно утверждать, - отмечает М.С. Строгович, - что юридическая ответственность есть прежде всего ответственное отношение человека к своим обязанностям, ответственность за правильное выполнение лицом возложенных на него законом обязанностей... Если же обязанность не выполнена, наступает ответственность в ее, так сказать, негативном значении - принуждение, взыскание, наказание и т.п."¹⁰. По мнению П.Е. Недбайло, позитивная ответственность у человека "возникает уже тогда, когда он приступает к исполнению своих обязанностей, а не только тогда, когда он их не выполняет или станет действовать вопреки им"¹¹.

⁹ См.: Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. Казань, 1975. С. 66.

¹⁰ Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. №5. С.73.

¹¹ Недбайло П.Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. №3. С.51.

Б.Л. Назаров характеризует позитивный аспект ответственности "не последствиями нарушения порядка, а качеством стимулятора, необходимого, с точки зрения интересов общества и сограждан, поведения, исполнения долга, возложенных обязанностей, положительных социальных ролей"¹². Несколько иначе рассматривает позитивную ответственность В.Н. Смирнов, считая, что реализация последней происходит не просто через исполнение возложенных на лицо обязанностей, а через их образцовое исполнение¹³.

Известно, что юридическая ответственность базируется на таком главном свойстве права, как принудительность, что означает возможность государственного принуждения к исполнению юридических норм в случае их нарушения. В связи с этим возникли многочисленные споры в правовой литературе относительно того, каким образом и в какой мере возможна "принудительность" по реализации позитивной юридической ответственности. Раз этой "принудительности" нет, то, следовательно, как считают некоторые авторы, и позитивную ответственность нельзя признать правовой.

Совершенно справедливо, что возможность применения государственного принуждения возникает в связи с совершением правонарушения, однако обеспеченность принудительной силой государства - это признак, присущий праву вообще, а следовательно, и каждой правовой норме в отдельности.

По этому поводу в целом правильную позицию занимают Н.А. Боброва и Т.Д. Зражевская, которые пишут, что "действительность юридической ответственности отнюдь не ограничивается правоохранительными правоотношениями, а распространяется на всю сферу действия права и именно в этом качестве способствует повышению его эффективности (позитивный аспект). Санкция, таким образом, является лишь "крайним", "конечным" выражением, "сгустком" юридической ответственности, но не единственной сферой ее проявления настолько же, насколько возможность государственного принуждения лишь в конечном счете стоит за каждой правовой нормой"¹⁴.

Однако такой взгляд нельзя признать справедливым для всех случаев проявления позитивной юридической ответственности, действительность которой воплощается в различных видах правомерного поведения.

В.Н. Кудрявцев различает два вида правомерного поведения - это допустимое поведение, которому соответствует правовое обеспечение со-

¹² Назаров Б.Л. О юридическом аспекте позитивной социальной ответственности // Советское государство и право. 1981. №10. С.29.

¹³ См.: Смирнов В.Н. Обеспечение трудовой дисциплины и бережного отношения к общенародному достоянию средствами трудового права // Проблемы правового регулирования труда в развитом социалистическом обществе. Л., 1984. С.190-191.

¹⁴ Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Указ. соч. С.16.

вершаемых действий и общественно полезное поведение, следствием которого является правовое поощрение (стимулирование)¹⁵.

В.Н. Смирнов, критикуя данную классификацию видов правомерного поведения, выделяет, в свою очередь, в правомерном поведении нормальное и образцовое. Он верно отмечает, что “допустимое поведение должно обладать определенной степенью общественной полезности. Иначе нет смысла путем правового регулирования поддерживать такие общественные отношения, которые могут быть реализованы через поведение, не имеющее общественной пользы”¹⁶.

Деление правомерного поведения на нормальное и образцовое (или, что то же самое - социально-активное) является наиболее общим. Между тем социально-активное (образцовое) поведение может выступать в форме трудовой заслуги, гражданского или боевого подвига. Что касается нормального поведения, то оно проявляется в виде: положительного (привычного), конформистского и маргинального поведения¹⁷.

Деление правомерного поведения прежде всего на социально-активное и нормальное (удовлетворяющее обычным требованиям) имеет принципиально важное значение как в анализе позитивной правовой ответственности, так и в понимании юридической ответственности как единой категории, включающей также ретроспективный аспект. Дело в том, что позитивная ответственность, актуализируясь через указанных два вида правомерного поведения, соответственно имеет различную степень интенсивности, разную форму своего бытия. “Положительная ответственность имманентна правомерному поведению. При этом степень ответственности может быть различной (более или менее высокой). Иначе говоря, это вопрос о качестве правомерного поведения”¹⁸.

С учетом сказанного представляется целесообразным позитивную ответственность рассматривать с двух сторон: умеренной, когда ответственность проявляется через нормальное правомерное поведение (исполнительство), и активной стороны, где она выражается через социально-активную деятельность (образцовую, примерную)¹⁹. Нужно заметить, что правовое опосредование двух сторон позитивной ответственности имеет существенное различие. На практике это связано с тем, что динамичной частью позитивной ответственности, ее движущим началом является только активная сторона этой ответственности.

Позитивная ответственность олицетворяет собой включенность субъекта в систему определенных социальных связей, которая требует актив-

¹⁵ См.: Кудрявцев Н.А. Право и поведение. М., 1978. С.135.

¹⁶ Смирнов В.Н. Указ. соч. С. 191.

¹⁷ См.: Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности. Киев, 1985. С.99.

¹⁸ Витрук Н.В. Правовой статус советских граждан в развитом социалистическом обществе // Социалистическое право и научно-техническая революция. М., 1979. С.326.

¹⁹ В юридической литературе употребляется понятия позитивной и активной ответственности как синонимы.

ности совершения общественно полезных действий, заботы о достижении оптимальных результатов предпринятого дела²⁰. Естественно, что активная деятельность лица, направленная на достижение оптимальных результатов, не может быть иной, кроме как превосходящей обычные требования, т.е. должна быть образцовой, примерной, хорошей.

Правовые средства объективно не в состоянии обеспечить образцовое поведение под страхом наказания, напротив, такая угроза может лишь тормозить социальную активность личности. В связи с этим верно замечает О.Э. Лейст, что творческая работа вряд ли возможна лишь под угрозой санкций уже по той причине, что страх наказания неизбежно сковывает творческую инициативу²¹. Роль позитивной юридической ответственности в ее активной форме как раз и заключается в том, чтобы стимулировать активную жизненную позицию личности через предоставление широкого круга прав.

Сторонники позиции, согласно которой юридической ответственностью является лишь ответственность ретроспективная, ссылаются на то, что позитивная ответственность в активном проявлении есть моральная ответственность, суть категория правосознания. И с ними нельзя не согласиться, если рассматривать активную позитивную ответственность только как обязанность, ибо последняя не обеспечивается государственным принуждением и, следовательно, в ней нет ничего правового.

Однако положение в корне меняется, если сущность активного подвида позитивной ответственности рассматривать в качестве права реализации ее в образцовом поведении, тогда будет и основание возникновения позитивной юридической ответственности и возможность применения санкций в случае невыполнения корреспондентом обязанности, обеспечивающей реализацию субъектом своего права. Так, государство, устанавливая в нормах права поощрение лица за достижение высоких результатов в своей деятельности, обязуется не только поощрить его в случае выполнения соответствующих требований, предусмотренных в этих нормах, но и одновременно возлагает на государственные органы и организации обязанности создавать условия (организационные, материально-технические и т.д.), обеспечивающие возможность деятельности на оптимально необходимом уровне.

В свою очередь, лицо, принимая условия норм поощрения, приступает к выполнению задач, осуществление которых связано с творческим, инициативным, с максимальной отдачей сил и т.п. отношением к делу, т.е. налицо примерное поведение, через которое, собственно, и происходит реализация позитивной юридической ответственности в активном смысле.

Правом, а не обязанностью является творчество рационализаторов, и изобретателей, участие в правотворческой деятельности, например, в об-

²⁰ См.: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С.231.

²¹ См.: Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М., 1981. С.230.

суждении законов и решений, обращение с предложениями по правовым вопросам в государственные органы, в редакции газет и т.д.; участие в правоприменительной и правоохранительной деятельности разного рода общественных организаций (в работе профкома, товарищеского суда, народных дружин по охране общественного порядка и т.п.)²².

В законодательстве можно найти четкое закрепление двух подвидов (сторон) юридической позитивной ответственности. Так, например, в ст. 309 ГК РФ указывается следующее: обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований - в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями. В свою очередь в ч.2 ст.118 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик говорится о действиях лица по предотвращению угрозы ущерба чужому имуществу без соответствующих полномочий.

Очевидно, что в ст. 309 ГК РФ нашла отражение умеренная позитивная юридическая ответственность, а в ч. 2 ст. 118 Основ гражданского законодательства - позитивная юридическая ответственность в активном ее проявлении.

С момента возникновения правомерного поведения (нормального или образцового) наступает состояние позитивной юридической ответственности. Следовательно, правомерное поведение является и ее основанием.

Своеобразие позитивной юридической ответственности предполагает специфику ее субъектов: она распространяется и на лиц, недееспособных по возрасту, которые не только должны соблюдать требования норм права, но и могут активно участвовать в их осуществлении.

При реализации разных подвидов позитивной юридической ответственности содержание возникающих в этой связи правоотношений имеет существенные различия. Так, содержание правового отношения, посредством которого реализуется умеренная позитивная ответственность, составляет обязанность лица поступать в соответствии с требованиями норм права, которой корреспондирует право государства и общества в лице определенных организаций и должностных лиц требовать надлежащего выполнения указанной обязанности, а в случае уклонения от ее исполнения применять принуждение.

Иначе выглядит содержание правоотношений, когда происходит актуализация активной позитивной юридической ответственности. Здесь праву лица на образцовое поведение соответствует обязанность государства содействовать этому виду общественно полезного поведения.

При этом следует учесть, что "праву субъекта на социально активное поведение соответствует обязанность других лиц не препятствовать реа-

²² См.: Казимирчук В.П. Социально-правовая активность личности - существенная часть ее жизненной позиции // Социалистический образ жизни (государственно-правовые проблемы). М.,1980. С.201.

лизации этого права, не нарушать его. Оно охраняется от нарушения принудительной силой государства²³.

Особо следует сказать о значимости позитивной юридической ответственности в области международных отношений, которая существенно возрастает. Это связано с тем, что правовое регулирование отношений между государствами базируется на принципе координации, а не субординации.

В силу суверенного равенства государства в международных отношениях выступают как равноправные стороны, над которыми нет каких-либо властных органов, способных влиять на линию их поведения. "Государства сами являются творцами, дистинкторами и гарантами международного права"²⁴. Как раз в силу этих факторов намного расширяется сфера возникновения позитивной ответственности государства, понимаемой в изложенном выше смысле. Поэтому верно указывает Л.В. Сперанская, что, если во внутригосударственном праве можно говорить о свободе воли физического лица в выборе той или иной линии поведения как о предпосылке позитивной ответственности, то в международном праве такой предпосылкой является суверенитет государства, а также суверенное равенство государств²⁵.

В литературе по международному праву понятие позитивной ответственности, в принципе, рассматривается одинаково. Так, В.А. Василенко пишет: "Позитивная ответственность государства, как следствие правомерной реализации свободы его воли, есть долг данного государства надлежащим образом исполнять обязанности, предписываемые ему нормами международного права, а также участвовать в создании новых норм, способствующих укреплению международного правопорядка"²⁶. Аналогична позиция и Л.В. Сперанской²⁷.

Из изложенного выше следует, что позитивная ответственность в международно-правовых отношениях понимается названными авторами в нераздельном единстве умеренной и активной форм ее проявления.

Правда, В.А. Василенко в известной мере выделяет в позитивной ответственности ее активную сторону, отдавая ей приоритет и ведущую роль. Это происходит тогда, когда он указывает на реализуемую государствами в их международных отношениях обязанность вести переговоры с целью выработки соглашений о всеобщем и полном разоружении, о со-

²³ Казьмин И.Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. М., 1986. С. 42.

²⁴ Василенко В.А. Ответственность государств за международные правонарушения. Киев, 1976. С. 27.

²⁵ См.: Сперанская Л.В. Проблема позитивной ответственности и охрана морской среды // Деятельность государств в мировом океане. М., 1983. С.92.

²⁶ Василенко В.А. Указ. соч. С. 27.

²⁷ См.: Сперанская Л.В. Указ. соч. С. 92.

здании эффективных систем коллективной безопасности, об охране окружающей среды и т.д.²⁸

Специфические отношения складываются тогда, когда имеет место присоединение третьего государства к уже заключенному договору.

Согласно ст. 34 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года (вступила в силу в январе 1980 г.), договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия. Это правило является общепризнанным принципом международного права. Оно непосредственно вытекает из принципа уважения суверенитета всех государств, сущности международного права и международного договора, в основе которых лежит добровольное соглашение суверенных государств²⁹.

Так, через акт согласия на обязательность договора, уже заключенного другими государствами, государство имеет возможность, реализуя это право, поступить в активном смысле ответственно, при условии прогрессивного характера самого договора.

Особой формой проявления активной позитивной ответственности могут быть односторонние юридические акты государств, например, акты, создающие новые обязательства для государства (“обещание”, “признание”), акты, посредством которых государство отказывается от определенных субъективных прав в какой-либо области (“отказ”)³⁰.

Таким образом, анализ отношений, складывающихся как внутри государства, так и в международной сфере, свидетельствует о том, что позитивная ответственность, понимаемая как качество (или характер) нормального либо социально активного поведения субъекта, представляет собой несомненную социальную ценность и, следовательно, нужно для практики.

До сих пор речь шла о позитивной юридической ответственности, существо которой заключается в нормальном или активном выполнении требований правовых норм. Очевидно, что невыполнение правовой обязанности, т.е. правонарушение, - это акт безответственного поведения. И, естественно, нарушение определенного порядка урегулированных правом общественных отношений должно быть устранено, и правопорядок восстановлен.

В данной ситуации, коль скоро имеет место факт правонарушения, возникает необходимость применения к субъекту, нарушившему нормативные предписания, ретроспективной ответственности. Эта ответственность неоднозначно понимается учеными-правоведами.

²⁸ См.: Василенко В.А. Указ. соч. С.29.

²⁹ См.: Талалаев А.Н. Право международных договоров: действие и применение договоров. М., 1985. С.65.

³⁰ См.: Каламкарян Р.А. Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств. М., 1984. С.39.

Наиболее распространенной является трактовка ретроспективной юридической ответственности как меры государственного принуждения, как реакции на совершенное правонарушение.

Так, согласно позиции И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшина, юридическая ответственность есть прежде всего государственное принуждение к исполнению требований права, содержащее осуждение деяний правонарушителя государством и обществом³¹.

К этой концепции примыкает понимание ответственности как реализации санкций правовых норм, сторонниками которой являются Л.С. Явич и О.Э. Лейст³².

Оригинальность концепции С.Н. Братуся заключается в том, что им обосновывается и защищается понимание юридической ответственности как состояния государственного (или общественного) в рамках, установленных законом, принуждения к исполнению нарушенной обязанности, как исполнения юридической обязанности под воздействием государственного принуждения³³.

С.С. Алексеев указывает, что в рамках понятия "юридическая ответственность" угол зрения перемещается с санкций как таковых на их несение, на обязанность претерпевания правонарушителем известных лишений, выражающих наступивший для него урон. Причем наиболее важная отличительная черта юридической ответственности - это претерпевание санкций, имеющих преимущественно штрафной характер³⁴.

Несмотря на некоторое незначительное различие, авторы указанных концепций почти во всем главном сходятся во мнениях. Так, все они единодушны в том, что юридическая ретроспективная ответственность сопряжена с применением санкции правовой нормы; то, что она является одной из форм мер принуждения; привлечение лица к юридической ответственности влечет за собой его государственное или общественное осуждение; юридическая ответственность возникает в связи с нарушением правовой обязанности; основанием юридической ответственности является правонарушение.

Однако по таким кардинальным вопросам, имеющим исключительно принципиальное значение для установления истинной природы ретроспективной юридической ответственности, как о вине субъекта правонарушения, так и дополнительных обременений (неблагоприятных, отрицательных последствий), которые обязан нести правонарушитель, нет единства мнений.

Отстаивая ту точку зрения, что вина является необходимым условием для возникновения ретроспективной юридической ответственности, не бу-

³¹ См.: Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Сущность юридической ответственности в советском обществе. М., 1974. С.6.

³² См.: Явич Л.С. Право и социализм. М., 1982. С.136; Лейст О.Э. Указ. соч. С.102-103.

³³ См.: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С.4.

³⁴ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. Т.1. М., 1981. С.227.

дем специально останавливаться на этой проблеме, так как она заслуживает особого рассмотрения. В свою очередь, касаясь вопроса о неблагоприятных последствиях, связанных с правонарушением, следует отметить, что некоторые авторы уже сам факт государственного принуждения, исполнение обязанностей под принуждением помимо воли правонарушителя, рассматривают одновременно и как лишение в определенной форме. Как пишут И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшин, из того факта, что у правонарушителя не возникает новых обязанностей и он не теряет тех или иных прав, совсем не следует, что он не несет никаких лишений. Раз его принуждают к исполнению обязанностей, значит, с него предварительно спрашивают отчет о совершенном деянии, осуждают его за это деяние, если есть вина, заставляют выполнить правовую обязанность помимо его воли³⁵. Однако с таким мнением едва ли можно согласиться без оговорок. Если стоять последовательно на точке зрения авторов, то можно прийти к выводу, что правонарушитель несет двойную ответственность: в результате государственного принуждения к исполнению обязанности и при ограничении прав или возложении на него дополнительной обязанности. На данное противоречие, применительно к хозяйственной сфере, справедливо обратил внимание Н.С. Малеин, отметивший: "Любая норма права обеспечивается государственным принуждением, однако отсюда не следует, что все нормы права представляют собой институт ответственности. В противном случае произошло бы отождествление правового регулирования в целом и ответственности как одного из институтов правового регулирования"³⁶. Соглашаясь с Н.С. Малеиным, что принудительное исполнение обязанности само по себе ответственностью не является, мы должны оговориться, что не является ответственностью и взыскание штрафов, пени и т.д., которые могут быть охарактеризованы как меры ответственности или меры привлечения к ответственности.

В свою очередь, С.Н. Братусь при определении ответственности делает основной упор на принуждении к исполнению обязанностей: "Основное назначение ответственности - это государственное принуждение к реальному исполнению обязанностей, а не возложение добавочных обязанностей на лицо, совершившее противоправное действие". По его мнению, штрафные меры имущественного характера, административные и дисциплинарные взыскания играют лишь второстепенную роль³⁷.

Бесспорно, что ретроспективная юридическая ответственность целиком и полностью зиждется на таком важнейшем и специфическом свойстве права, как принудительность. Ибо право "есть ничто без аппарата,

³⁵ См.: Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С.58.

³⁶ Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М., 1968. С. 13.

³⁷ Братусь С.Н. Указ. соч. С.7.

способного принуждать к соблюдению норм права"³⁸. В свете сказанного и применительно к юридической ретроспективной ответственности как одному из важнейших средств, принуждающих к соблюдению норм права, возникают вопросы такого плана: соблюдение каких норм права обеспечивается при помощи юридической ретроспективной ответственности и каким образом осуществляется принуждение к исполнению требований права?

Следует согласиться с тем, что "содержание ретроспективной ответственности показывает, что в конечном счете она представляет собой, с одной стороны, принуждение нарушителя определенным социальным образом (обществом, классом, государством и т.д.) к соблюдению соответствующих интересам последнего социальных норм и, с другой стороны, подчинение нарушителя этому принуждению, претерпевание его"³⁹.

Главное социально-функциональное предназначение юридической ответственности заключается в принуждении к соблюдению норм права, регулирующих позитивные общественные отношения, т.е. те отношения, которые отвечают интересам класса или общества в целом. Что же касается "подчинения нарушителя этому принуждению, претерпевание его", то это лишь средство, метод для достижения главной цели юридической ответственности, и в этом заключается ответ на поставленные вопросы. Следовательно, если убрать возможность возложения добавочных обязанностей на правонарушителя, то каким образом удастся его принудить к реальному исполнению обязанностей? Думается, что других способов нет; исключения составляют меры защиты субъективных прав, о которых будет говориться в (2 настоящей главы).

Необходимо различать два вида принуждения в случае привлечения к юридической ответственности: это принуждение к соблюдению нормативных требований и принуждение к установленным нормой права отрицательным последствиям (различного характера лишениям). И если первый вид принуждения - это цель ретроспективной юридической ответственности, то второй его вид - это способ, посредством которого реализуется социальное назначение ответственности, достигаются ее цели.

Касаясь вопроса о различии между имущественной ответственностью и ответственностью за нарушение уголовных и некоторых административных запретов, С.Н. Братусь пишет, что "при нарушении этих запретов, как правило, речь идет не о принуждении к исполнению конкретной неисполненной обязанности (это сделать уже невозможно), а об исполнении новой обязанности претерпеть наказание за содеянное, об ограничениях личных и имущественных, об общей и специальной превенции, о перевоспитании и т.д."⁴⁰

Из изложенного можно прийти к выводу, что автор, по сути дела, сводит уголовную и административную ответственность лишь ко второму виду

³⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.33. С.99.

³⁹ Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Указ. соч. С.11.

⁴⁰ Братусь С.Н. Указ. соч. С.119.

принуждения, превращая ее тем самым как бы в самоцель. Тогда как познание природы ретроспективной юридической ответственности состоит в учете единства двух видов принуждения. Предложенный выше подход позволит выделить в качестве признаков, присущих всем видам ретроспективной юридической ответственности, такие как: несение отрицательных, невыгодных последствий и вину, так как бессмысленно принуждать к соблюдению правовых требований посредством наказания невиновного лица.

Итак, сущностью ретроспективной юридической ответственности является привлечение лица методами государственного принуждения к соблюдению нормативных требований, т.е. правомерному и ответственному поведению. Можно сказать, что ретроспективная ответственность - это та же позитивная ответственность, но только под принуждением, это то же исполнение обязанности, но в состоянии принуждения. В этом плане С.Н. Братусь в принципе верно трактует ретроспективную юридическую ответственность как принудительное исполнение позитивной обязанности. Однако такой взгляд ограничивается лишь имущественной ответственностью. Кроме этого, он, слишком широко рассматривая юридическую ответственность, не проводит нужного различия ответственности с мерами защиты. В результате теряются такие общие для всех видов юридической ответственности признаки, как виновность субъекта, несущего ответственность, и невыгодные последствия для правонарушителя.

Очень важно выяснить, к исполнению какой обязанности и каким способом принуждается субъект в случае нарушения им требований норм различных отраслей права.

Так, в сфере гражданско-правового регулирования лицо принуждается к исполнению позитивной обязанности такими средствами, как уплата штрафа, пени, возмещение убытков. Несколько иначе выглядит ситуация, когда лицо привлекается к уголовной ответственности, к административной или дисциплинарной ответственности. С.Н. Братусь считает, что при этих видах ответственности речь идет об исполнении новой обязанности претерпеть наказание и т.д., а не о принуждении к исполнению неисполненной обязанности, и в этом заключается существенное и даже принципиальное отличие их от имущественной ответственности⁴¹.

Между тем разве нельзя видеть общее, что присуще как штрафам, пени, так и мерам уголовно-правового, административно-правового, а также мерам дисциплинарного воздействия, которые принуждают к исполнению неисполненной позитивной обязанности. Штрафные меры, принимаемые к неисправному контрагенту, например, в случае недопоставки товара (продукции) в срок - это его новая обязанность, побуждающая к исправному, ответственному поведению.

Конечно, недопоставленный товар можно, хотя и с запозданием, поставить и этим самым выполнить позитивную обязанность. Другое дело,

⁴¹ См.: Братусь С.Н. Указ. соч. С.119.

когда, например, лицо штрафуются за безбилетный проезд на транспорте или привлекается к дисциплинарной ответственности за опоздание на работу. В приведенных примерах принудить к исполнению конкретной обязанности действительно невозможно, так как билет не взят, допущено опоздание, что повлекло наложение взысканий. Однако этим самым субъект принуждается к оплате проезда на транспорте, к соблюдению трудовой дисциплины, т.е. речь, по существу, идет о принуждении к исполнению тех же самых обязанностей, только в будущем.

Однако можно ли безусловно согласиться с тем, что в случае нарушения договорных обязательств действительно исполняется под принуждением “конкретная неисполненная обязанность?” Ведь надо учитывать, что договорные условия, не выполненные в срок, нарушают гармоничность механизма хозяйственных отношений, ведут к сбою производственных процессов, и поэтому исполненная с опозданием обязанность чаще всего уже не в состоянии в полной мере выполнить первоначально предназначенную ей роль. Исходя из того, что происходит ролевое видоизменение обязанности, можно сказать, что и обязанность, которая исполняется под принуждением спустя некоторое время (т.е. в будущем), становится уже несколько иной. В свою очередь только для выполнения в будущем неисполненных обязательств принуждает (побуждает) положение, закрепленное в ч.2 ст. 396 ГК РФ, предусматривающее освобождение должника от исполнения обязательства в натуре в случае возмещения убытков и уплаты неустойки.

Таким образом, следует подчеркнуть, что как при имущественной ответственности, так и при других видах ретроспективной юридической ответственности лицо привлекается к ответственному поведению, т.е. к соблюдению на будущее тех позитивных обязанностей, которые не выполняются добровольно.

Следовательно, с помощью мер государственного принуждения, носящих карательно-воспитательный характер и обращенных к правонарушителю, последний через претерпевание указанных мер привлекается к ответственному поведению. Естественно, принуждение к правомерному поведению должно иметь определенные временные границы. Таковыми являются после наложения взысканий (определения наказания) срок административной или дисциплинарной наказанности, состояние судимости. Для организаций после наложения штрафных санкций таким сроком наказанности является исковая давность; в случаях возмещения организацией имущественного ущерба привлечение к ответственности ограничивается этой акцией (взыскание ущерба) и частно-превентивным воздействием, срок влияния которого четких временных пределов не имеет.

Исходя из того, что предпосылкой возникновения ретроспективной ответственности являются меры наказательного характера и то, что ответственное поведение обусловлено принуждением, считаем, что в соответствии с действительной природой указанной ответственности ее следует

именовать (что и будет делаться в дальнейшем) либо наказательной, либо принудительной юридической ответственностью.

Кроме государственного принуждения другим важным признаком ретроспективной юридической ответственности является и общественное осуждение поведения правонарушителя.

Поскольку общественному осуждению подлежит лишь виновное поведение, то и привлечение к ответственности “может наступать лишь при наличии такого признака, как общественно осуждаемое, виновное поведение правонарушителя”⁴². При этом следует заметить, что общественное осуждение противоправного поведения имеет своим началом и проявляется через неблагоприятные последствия для правонарушителя, которые, как уже указывалось, также являются необходимым признаком наказательной юридической ответственности.

Как единая категория правовая ответственность выполняет ряд функций, природа, характер и число которых определяется ее социальным назначением, суть которого, в свою очередь, заключается прежде всего в принуждении к исполнению и стимулировании к исполнению и реализации норм права.

В правовой литературе по-разному определяют количество и характер функций наказательной юридической ответственности. Так, С.С. Алексеев, подчеркивая, что цель юридической ответственности заключается в нравственном перевоспитании (перерождении) личности правонарушителя, выделяет две ее функции: штрафную и правовосстановительную⁴³.

Н.С. Малеин, наряду с репрессивной (карательной) и компенсационной (восстановительной), различает также превентивную (предупредительно-воспитательную) и сигнализационную функции⁴⁴.

Особого внимания заслуживает позиция Б.Т. Базылева, прослеживающего тесную связь между целями принудительной юридической ответственности и ее функциями, положив в основу то, что “цели института юридической ответственности определяют его функции”⁴⁵. Так, исходя из непосредственной цели ретроспективной юридической ответственности, состоящей в наказании правонарушителя, он выделяет карательную функцию. Далее, подчеркивая, что наказание не является самоцелью, а становится средством достижения более высоких целей, в том числе общего и частного предупреждения, Б.Т. Базылев говорит о предупредительной функции.

Однако на этом цепочка целей наказательной юридической ответственности не обрывается и состоит, по его мнению, в том, чтобы не только внедрить в сознание субъекта мотивы внешне правомерного поведения

⁴² Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С.135.

⁴³ См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С.277-278.

⁴⁴ См.: Малеин Н.С. Указ. соч. С.145.

⁴⁵ Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск, 1985. С.53-54.

впредь, но превратить эти мотивы в убеждения, в мотивы собственной совести, во внутренние регуляторы поведения в обществе. Иными словами, задача наказания в обществе заключается в большей или меньшей нравственной перестройке личности, в формировании у человека, нарушившего закон, подлинно социальных установок поведения. Такова перспективная цель и функция института юридической ответственности⁴⁶.

В большей степени можно было согласиться с высказанным Б.Т. Базылевым, если бы перспективную цель и функцию он рассматривал как принадлежность не принудительной ответственности, а позитивного аспекта единой категории юридической ответственности, поскольку верно отмечалось в литературе, что исправление и перевоспитание предполагает превращение осужденного (как, впрочем, и любого правонарушителя) в такого члена общества, который не только не причиняет обществу вреда своим поведением, но и по возможности приносит определенную пользу. Повышение же сознания всех граждан до уровня наиболее активных передовых членов нашего общества осуществляется средствами, не имеющими отношения к наказанию⁴⁷.

Таким образом, Б.Т. Базылев возлагает на принудительную юридическую ответственность цель и функцию, которые ей не свойственны.

Действительно, цели юридической ответственности определяют ее функции, но, в свою очередь, функции обеспечивают достижение цели⁴⁸.

Так как мы исходим из того, что наказание (взыскание) является средством, обеспечивающим принудительно правомерное (ответственное) поведение, то ясно, что это поведение является и целью принудительной юридической ответственности. Целью указанной ответственности является и воспитание лица, совершившего правонарушение, в духе соблюдения российских законов и предупреждения совершения правонарушений как этим лицом, так и другими лицами.

Сопоставляя указанные цели, нетрудно заметить, что именно вторая цель является конечной целью принудительной юридической ответственности. Поскольку ближайшие, а не конечные цели выражают специфику конкретных видов правового регулирования⁴⁹, поэтому и главной целью принудительной юридической ответственности является первая цель.

Из содержания целей наказательной юридической ответственности уже становится очевидным, что для их достижения необходимы карательная, воспитательная и предупредительная функции. И если принудительно-правомерное поведение как цель реализуется с помощью карательной функции в рамках состояния наказанности, принудительности, то достиже-

⁴⁶ См.: Базылев Б.Т. Указ. соч. С.54-55.

⁴⁷ См.: Шлыков С.А. Функции уголовной ответственности // Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды ВНИИСЗ. М., 1983. Вып. 26. С.201-201.

⁴⁸ См.: Шлыков С.А. Указ. соч. С.198.

⁴⁹ См.: Элькин П.С. Категория “цель” и “средство” в сфере уголовно-процессуального регулирования // Советское государство и право. 1972. №8. С.99.

ние конечной цели воспитания правонарушителя и предупреждения правонарушений связано уже с областью позитивной юридической ответственности, а точнее, с ее умеренно-позитивным аспектом.

Конечная цель принудительной юридической ответственности - это, в свою очередь, ближайшая и главная цель умеренно-позитивной юридической ответственности.

Очевидно, что для поддержания стабильности отмеченного целевого результата, обуславливающего добровольное правомерное поведение, достаточно двух функций: предупредительной и воспитательной (действующих уже вне реального принуждения). Однако наряду с ближайшей целью для умеренно-позитивной юридической ответственности характерна и конечная цель: социально-активное правомерное поведение, достижение которого предполагает исчезновение предупредительной и появление стимулирующей функции. Указанная функция проявляется, когда законодатель, определяя юридические условия (факты) возникновения прав и обязанностей субъектов, иные правовые последствия, побуждает пользоваться желаемыми способами достижения социально-полезного результата⁵⁰.

Ясно, что конечная цель умеренно-позитивной юридической ответственности - это и ближайшая (главная) цель активно-позитивной юридической ответственности. Здесь целевой результат (социально-активное правомерное поведение), его постоянство может поддерживаться лишь двумя функциями - воспитательной и стимулирующей. Что же касается конечной цели активно-позитивной юридической ответственности, то она выходит за рамки правового воздействия.

Показанные взаимосвязь и взаимодействие целей и функций свидетельствует о тесной взаимосвязи разных аспектов и подвидов юридической ответственности, что служит одним из аргументов, подтверждающих необходимость рассмотрения ответственности как единой категории (в единстве всех ее аспектов).

Остановившись на функциях принудительной юридической ответственности, к ним следует отнести и компенсационную функцию, поскольку меры ответственности имущественного характера сочетают в себе не только карательные элементы, но и компенсационные, призванные обеспечить нарушенный интерес потерпевшего, восстанавливая его имущественную сферу.

Отдельного выделения сигнализационной функции, которая дает возможность судить об упущениях в работе, а также влияет на выбор мер воздействия к лицам, ранее привлекаемых к принудительной юридической ответственности, не требуется, поскольку отмеченная функция не имеет иного содержания, кроме как воспитания и предупреждения⁵¹.

⁵⁰ См.: Синюков В.Н. Функции юридических фактов // Вопросы теории государства и права. Личность, право, правовая система / Отв. ред. Н.И. Мутузов. Саратов, 1988. С.149.

⁵¹ См.: Белякова А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. Теория и практика. М., 1986. С.15.

Подводя итог сказанному выше о принудительной юридической ответственности, последнюю можно определить как состояние принуждения к правомерному, а следовательно, и ответственному поведению, достигаемому с помощью несения неблагоприятных последствий, наложение которых связано с осуждаемым, виновным и противоправным (безответственным) поведением определенных лиц, имеющее конечную цель: воспитание правонарушителей в духе соблюдения российских законов, а также предупреждение совершения ими и иными лицами новых противоправных деяний.

В качестве иллюстрации к данному параграфу предлагаем следующую схему единой категории юридической ответственности (см. приложение).

§ 2. Правовая ответственность, санкции и меры защиты

Известно, что подавляющее большинство субъектов российского права исполняют требования правовых норм сознательно и добровольно. Однако государство вынуждено в некоторых случаях использовать принудительные средства, поскольку правомерное поведение свойственно не всем.

В общем аспекте принуждение означает воздействие на волю лица с целью подчинить его поведение соответствующим требованиям. Поведение лица предполагает подчинение его собственных волевых устремлений властной воле принуждающего.

Государственное принуждение является одним из видов по отношению к принуждению в общесоциальном плане. Необходимость в принуждении обусловливается противоречивостью стремлений двух субъектов, где один предписывает выполнение требования другому. Посредством принуждения подавляются, тормозятся антисоциальные, противостоящие общественной или иной воле мотивы поступков человека, ограничивается свобода его действий, стимулируется желательное поведение. Государственное принуждение проявляется как средство защиты существующего строя общественных отношений⁵².

В современный период государственное принуждение осуществляется только в сфере правового регулирования. Связь права с государственным принуждением проявляется в следующем. Социальное регулирование, не обеспеченное силой государственной власти, теряет качество правового, поскольку утрачивается механизм, способный принуждать к соблюдению норм права. И потом, принуждению требуется правовое опосредование не в меньшей мере, чем праву - государственное обеспечение. Наполнение принуждения правовым содержанием сообщает ему правовые ценности, изменяет качество самого принуждения⁵³. Государственное принуждение,

⁵² См.: Кожевников С.В. Государственное принуждение: особенности и содержание // Советское государство и право. 1978. №5. С.48.

преломленное через право, правом “насыщенное”, выполняющее в нем свои специфические задачи, и выступает в качестве правового принуждения⁵⁴.

Обычно считают, что структура каждой нормы состоит из трех элементов: гипотезы, диспозиции, санкции. Гипотеза указывает на условия действия нормы, диспозиция - на содержание самого правила поведения; в санкции же аккумулируются меры, применяемые в случае несоблюдения правовой нормы.

Остановившись на ведущейся дискуссии, касающейся вопроса о количестве частей, из которых состоит та или иная правовая норма, считаем, что, поскольку государство всегда оставляет за собой возможность добиться в принудительном порядке осуществления любой правовой нормы⁵⁵, то санкция является обязательным ее элементом, хотя и может быть помещена в различных нормативных актах⁵⁶. Так как в санкции сконцентрированы меры государственного принуждения, а она - неотъемлемая часть нормы, то следует признать, что всякое государственное принуждение, опосредованное правом (правовое принуждение), всегда является санкционным. Поэтому правы те авторы, которые понимают под санкцией все меры правового принуждения или, иначе говоря, все меры правовой охраны⁵⁷.

Главным основанием классификации санкций является способ, посредством которого меры, предусмотренные санкциями, служат охране правопорядка⁵⁸. По данному основанию санкции подразделяются на два основных вида: а) правовосстановительные, которые направлены на устранение вреда, причиненного неправомерными действиями, на исполнение невыполненных обязанностей, восстановление нарушенных прав; б) штрафные, карательные санкции, предназначение которых состоит в несении правонарушителем определенного правового урона, выражающегося в различного рода правоограничениях, специальных обязанностях. Как правовосстановительные, так и штрафные санкции выполняют задачу предупреждения правонарушений и иного противоправного поведения.

Указанная классификация санкций совпадает с делением их на меры защиты и меры ответственности. Отмеченные два деления дополняют друг друга. “Если первое из них характеризует содержание юридических санкций, их значение для существовавших до противоправного поведения правоотношений, то второе отражает особенности действия санкций, зало-

⁵³ См.: Козулин А.И. Принуждение в социальном регулировании: правовой аспект // Советское государство и право. 1985. №3. С.65

⁵⁴ См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С.267.

⁵⁵ См.: Лучин В.О. Процессуальные нормы в советском государственном праве. М., 1976. С.129.

⁵⁶ См.: Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. М., 1967. С.30-34.

⁵⁷ См.: Галаган И.А. Административная ответственность в СССР. Воронеж, 1970. С.112.

⁵⁸ См.: Лейст О.Э. Указ. соч. С.62.

женных в них социальных программ, их последствий для лица, в отношении которого они применяются”⁵⁹.

Меры защиты, по существу, имеют место во всех отраслях российского права. Так, в гражданском праве мерами защиты являются: признание сделки недействительной с возвращением сторон в первоначальное имущественное положение; принудительное изъятие вещи по виндикационному иску; исключение имущества из описи; опровержение недостоверных, порочащих честь и достоинство личности сведений; реальное исполнение договорных обязательств и др. Для семейного права характерны такие меры защиты, как принудительное взыскание алиментов, признание брака недействительным, отмена усыновления и др. В трудовом праве к ним можно отнести: восстановление на прежней работе незаконно уволенных или переведенных на другую работу; отмена приказов администрации предприятия, ущемляющих трудовые права; удержания, производимые администрацией из зарплаты работников с целью погашения их задолженности предприятию (например, возврат аванса, выданного в счет зарплаты; возврат сумм, излишне выплаченных вследствие счетных ошибок и т.д.), взыскание с работников сумм, выплаченных им в связи с переездом на работу в другую местность; признание неправильной или несоответствующей законодательству формулировки увольнения и др. Широко применяются меры защиты в административном праве, к которым, в частности, принадлежит административное задержание, принудительное лечение, личный досмотр, досмотр вещей, изъятие имущества, прекращение эксплуатации транспортных средств и др. Имеют место меры защиты и в уголовном праве. Например, ст.21 УК РСФСР среди видов уголовного наказания предусматривает возложение обязанности загладить причиненный вред (п.б). Ясно, что это не мера (или вид) наказания правонарушителя, а принудительно обеспечиваемое правовое средство восстановления нарушенных субъективных прав⁶⁰, т.е. средство их охраны с помощью мер защиты.

Для обеспечения правопорядка используются различные средства правового принуждения, отличающиеся известными особенностями. Это дало возможность некоторым авторам в своих классификациях выделить наряду с мерами защиты и мерами юридической ответственности еще и меры превентивного (профилактического) и процессуального принуждения⁶¹.

⁵⁹ См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С.272.

⁶⁰ См.: Базылев Б.Т. Об институте юридической ответственности // Советское государство и право. 1975. №1. С.113.

⁶¹ См.: Арашкин В.Д. О принуждении по советскому праву // Советское государство и право. 1970. №7. С.36-39; Кудрявцев В.Н. Право и поведение. С.137; Алексеев С.С. Указ. соч. С.273.

В связи с этим следует согласиться с В.А. Кучинским, считающим, что “такое дробление мер государственного принуждения является фактически детализацией мер защиты”⁶².

Общим для правоохранительных институтов - ответственности и защиты - является то, что как применение мер ответственности, так и мер защиты обеспечивается государственным принуждением. Между тем как раз в этом общем есть то специфическое и главное, что позволяет четко отграничивать указанные институты друг от друга. Речь идет о способе принуждения к соблюдению моделей (алгоритмов) поведения, заключенных в правовой норме. Дело в том, что при реализации мер защиты правовое принуждение, направленное на выполнение требований норм, производится непосредственно. Например, при истребовании собственником своего имущества из чужого незаконного владения, возвращение сторон в первоначальное положение, применение мер пресечения и др. Можно сказать, что при применении мер защиты в осуществляемом в связи с этим принуждении средство и цель этих акций как бы слиты воедино.

По-другому выглядит правовое принуждение, когда применяются меры ответственности. Тут так же, как и при осуществлении мер защиты, имеет место непосредственное принуждение к различного рода мерам наказания и взыскания. Однако это принуждение (к наказанию) не самоцель, а лишь вспомогательное средство воздействия на субъекта для выполнения в будущем неисполненной им обязанности. Обществу нужно не только и не столько наказать правонарушителя, сколько принудить его к соблюдению норм права через соответствующую меру, связанную с несением им неблагоприятных последствий морального, материального, организационного и личного характера. И здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда при правовом принуждении, обусловленном применением мер ответственности, средство и цель резко обособлены.

Таким образом, при применении мер ответственности к правонарушителю мы констатируем правовое принуждение двух видов: прямое (непосредственное), которое характерно при осуществлении карательных мер, и опосредованное, достижение которого обеспечивается с помощью первого вида принуждения. Различие институтов защиты и ответственности прежде всего и заключается в том, что только для последнего свойственно опосредованное правовое принуждение. Именно наличие данного вида принуждения обуславливает специфику ответственности, именно с учетом его можно понять сущность наказательной ответственности и ее связь с позитивной, а также то общее, что объединяет их, делая юридическую ответственность единой целостной категорией права.

В связи со сказанным теоретически важно выяснение механизма (принципа действия) опосредованного государственного принуждения, где интеллектуальный и волевой моменты в сознании индивида, подвергнувшегося мерам воздействия, имеют решающее значение.

⁶² Кучинский В.А. Личность, свобода, право. М., 1978. С.183.

Е.А. Лукашева, исследуя соотношение права и морали, пишет, что право в силу своей природы очерчивает свободу внешних действий человека и в отличие от морали остается нейтральным по отношению к внутренним мотивам его поведения⁶³. При этом она ссылается на известное высказывание К. Маркса: “Лишь постольку, поскольку я проявляю себя, поскольку я вступаю в область действительности, - я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом”⁶⁴. Безусловно, автор права, когда речь идет о правомерном поведении. Однако вряд ли с ней можно согласиться, если допущено правонарушение и требуется охрана прав лиц и правопорядка. Здесь без установления внутренней мотивации индивида принудительные меры могут оказаться малоэффективными и даже вредными. Право не в состоянии регламентировать мышление человека и не должно стремиться это делать, так как оно регулирует не сами эти психические процессы, а их результаты - объективно совершенные поступки⁶⁵. Однако психические процессы, следствием которых являются действия, входящие в сферу правового регулирования, далеко не безразличны для права, поскольку правовые предписания действуют на субъекта через сознание и волю. Ведь не случайно законодатель дифференцирует виды и размеры наказания в зависимости от форм вины, от мотива и цели правонарушения. При выяснении содержания субъективной стороны правонарушения в значительной мере определяется степень общественной вредности (опасности) как противоправного деяния, так и лица, его совершившего. А это, в свою очередь, предопределяет выбор адекватной меры государственного реагирования, обеспечивающего принуждение к соблюдению норм права.

Вполне очевидно, что без учета дефектов в сознании индивида, как впрочем, и без учета его достоинств, выбор меры воздействия (принуждения) к правонарушителю не даст ожидаемого результата. Таким образом, говоря о принуждении к выполнению требований норм, оценка психического состояния правонарушителя является неотъемлемым условием для выбора оптимальной, а следовательно, и справедливой меры правового воздействия на его сознание. Именно сознание человека является той областью, тем общим фоном, где происходит взаимодействие и состыковка в одну категорию ответственности двух ее видов: позитивной и принудительной.

Так, государство, определяя в санкциях правовых норм виды и меры неблагоприятных для личности последствий, угрожающих ей наступлением в случае правонарушения, ориентирует на соблюдение требований права⁶⁶. Будет верно, если мы скажем, что в данном случае имеет место

⁶³ См.: Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. М., 1986. С.104.

⁶⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т.1. С.14.

⁶⁵ См.: Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С.144.

⁶⁶ См.: Нуерсепов Е.К. Психология правомерного поведения. Алма-Ата, 1984. С.23-24.

лишь потенциальное психическое принуждение. То же самое, но уже реальное психическое принуждение к исполнению норм будет и после применения мер ответственности. Как в первом, так и во втором случаях мы имеем правомерное поведение, однако, если одно из них - это следствие угрозы, то другое - после ее реализации; при этом всегда эти виды поведения обусловлены психическим принуждением, которое имеет своим объектом сознание и волю индивида.

Известно, что в большинстве случаев субъекты выполняют правовые требования добровольно, осознавая их социальную необходимость и полезность. И, конечно, говорить здесь о психическом принуждении вряд ли будет корректно, ибо в данном случае речь может идти лишь об условном принуждении; однако и в этом примере нормы права как средство целенаправленной регуляции воздействуют на сознание человека и формируют нужное им поведение.

Как при нормальном, образцовом, или социально-активном правомерном поведении, так и при правомерном поведении, возникшем после применения мер ответственности, действия лица совершаются сознательно и по собственной воле. В связи с этим верно отмечается, что если исключить импульсивные (аффективные) акты, можно утверждать, что нельзя принудить к совершению активного действия запрограммированного принуждением помимо воли исполнителя. Напротив, к известным видам бездействия личность можно принудить и помимо ее воли, путем применения физических мер⁶⁷. В самом деле, индивида можно против его воли взять под стражу, произвести у него обыск, применить к нему взыскание, истребовать имущество, которым он незаконно владел и т.д. Однако его нельзя физически принудить к правомерному поведению, вопреки его воле. "В действительности сознательного "безвольного", неволевого поведения нет и быть не может. Структура волевого акта включает не только принятие решения, а так же сознательное усилие, которое тем более необходимо, чем менее привлекательна цель"⁶⁸. Поэтому авторы, рассматривающие принуждение как метод воздействия на субъектов с целью добиться от них выполнения тех или иных требований помимо их собственной воли, правы лишь в части, касающейся прямого (непосредственного) принуждения. Что же касается опосредованного принуждения, на фоне которого проявляется наказательная ответственность, то здесь принуждение, будучи по своей природе психическим, иначе не может актуализироваться, как только через волю принуждаемого.

Интересно отметить, что как при позитивной, так и при принудительной юридической ответственности индивид всегда поступает сознательно и по собственной воле. Так как он соблюдает правовые предписания, то логично сказать, что он поступает ответственно. Но поскольку источники право-

⁶⁷ См.: Лебедев В.М. Воспитательная функция советского трудового права. М., 1982. С.105.

⁶⁸ Лукашева Е.А. Указ. соч. С.102-103.

мерного поведения различны, то различаются и виды (подвиды) ответственности как единой юридической категории. Так, для позитивно-активной ответственности источником служит глубокое восприятие и осознание идей права, связанное не только с неуклонным выполнением его указаний, но и с инициативной, творческой деятельностью по реализации социальных целей, запрограммированных в праве. Здесь ответственное поведение целиком зиждется на праве субъекта, и поэтому правовое принуждение к данному виду деятельности исключается. Оно подкрепляется в определенных случаях лишь мерами поощрения.

Для позитивно-умеренной ответственности, которая проявляется на фоне поведения, удовлетворяющего обычно предъявляемым требованиям, характерно то, что нормы права соблюдаются либо по привычке, либо пассивно (конформистски), либо из различных расчетов и по мотивам боязни наказания. В данном случае указанный вид поведения - уже обязанность, и оно своим источником имеет как сознание необходимости поступать таким образом, так и угрозу реального принуждения (потенциальное психическое принуждение) к соблюдению нормативных требований, т.е. к этому же виду поведения.

Когда же допущено правонарушение, произошло отклонение от predetermined модели поведения, то, естественно, возникает необходимость принуждения к ее соблюдению.

Суть наказательной ответственности как раз и состоит в том, что после актуализированного принуждения, посредством его, лицо находится в состоянии принуждения к соблюдению определенных моделей поведения, т.е. к правомерному ответственному поведению. Так как здесь угроза принуждения реализовалась, то потенциальное психическое принуждение стало реальным, ибо меры воздействия осуществлены.

После изложенного нетрудно проследить диалектическую взаимосвязь различных видов ответственности, их единство. Общим для позитивной (активной и умеренной) и наказательной юридической ответственности является то, что они проявляются через правомерное поведение индивида сознательно и по его собственной воле. Ответственности так же, как и социальной форме движения в целом, характерно развитие от низшего к высшему. Так, наказательная ответственность является основой для умеренно-позитивной ответственности, в свою очередь последняя является базой активно-позитивной ответственности. Практически указанные формы (аспекты) юридической ответственности могут реализовываться, например, в принудительно-правомерном поведении наказанного работника, затем после окончания действия состояния принуждения в его исполнительской деятельности (выполнение им обычно предъявляемых требований к работнику) и в дальнейшем в социально-активном поведении, которое может выражаться в улучшении качества продукции, новаторстве и т.д. При этом легко прослеживается как элемент принудительности, проявляющийся в полной мере при наказательной ответственности (хотя это и

опосредованное принуждение), при умеренно-позитивной ответственности остается лишь угрозой, а при активно-позитивной ответственности принуждения нет совсем, хотя она и подкрепляется юридическими мерами положительного стимулирования. Собственно, в этой взаимосвязи заключена суть диалектического развития социального регулирования от чисто правовых форм до правил человеческого общежития, исключающих государственное принуждение. Справедливости ради нужно сказать, что позитивно-активная ответственность - это скорее полуправовая категория, находящаяся на стыке юридического и иного социального регулирования; это связующее звено юридического и социального регулирования.

И.Л. Петрухин, возражая против выделения позитивной юридической ответственности, приводит следующее: "Все несут ответственность - и те, кто добровольно, сознательно выполняет свои обязанности, и те, кто действует во вред государству, совершая правонарушение. Первые отвечают за честность и порядочность, вторые - за недобросовестность и злонамеренность. Для чего возлагать ответственность не только на правонарушителей, но и на добропорядочных людей?"⁶⁹

Конечно, если отождествлять ответственность с наказанием, то, безусловно, доводы И.Л. Петрухина имеют под собой рациональную основу. Однако, согласно предлагаемой концепции, правовая ответственность - это качество, свойство или характер правомерного поведения. Поэтому разница между ответственностью добропорядочного человека и правонарушителем очень существенна, так как последний поступает ответственно лишь под принуждением со всеми вытекающими отсюда для него отрицательными последствиями.

Далее автор указывает: "Чувство социального долга ("позитивная ответственность") связано со свободой личности, которая по своему убеждению и усмотрению выбирает общественно полезный вариант поведения, а ответственность связана с принуждением"⁷⁰. Возникает вопрос: с принуждением к чему? Если к наказанию, - тогда понятно. А если к соблюдению норм права, к общественно-полезному варианту поведения, т.е. к ответственному поведению, то тогда все встает на свои места, ибо ответственность одна, способы ее генерирования и формы проявления могут отличаться.

Известно, что правовое регулирование общественных отношений осуществляется с помощью воздействия на поведение людей такими средствами, как веление, запрет, дозволение. А.И. Косарев к указанным средствам воздействия в праве относит также наказание, отмечая, что все они еще сложились в римском праве⁷¹. Однако, если автор в равной мере к средствам правового регулирования относит наказание, то где в его клас-

⁶⁹ Петрухин И.Л. Уголовно-процессуальная ответственность // Правоведение. 1984. №3. С.67.

⁷⁰ Петрухин И.Л. Указ. соч. С.67.

⁷¹ См.: Косарев А.И. Римское право. М., 1986. С.144.

сификации принудительные меры, не носящие характер наказания и известные римскому праву, например, применяемые при виндикационном или негаторном исках?⁷² Данные меры не что иное, как меры защиты, и они так же, как в римском праве, так и в российском участвуют в процессе правового регулирования. Но здесь необходимо учитывать следующее. Как меры наказания (ответственности), так и меры защиты не имеют самостоятельного или, вернее сказать, “автономного” значения в регулировании общественных отношений. Другое дело при запрете, велении, дозволении следование этим предписаниям общественно необходимо и полезно. В случае отступления от этих предписаний их выполнение (и веления, и дозволения, и запрета) уже осуществляется принудительно.

Таким образом, если индивидом добровольно не исполняются нормы права, содержащие веление, дозволение и запрет, то указанные средства как бы приобретают принудительный каркас. Поэтому не относятся к средствам правового воздействия на поведение индивида меры защиты и меры ответственности (наказания). Это не средства правового воздействия, а способы их осуществления путем непосредственного или опосредованного принуждения. Поэтому с учетом сказанного элементы логической нормы будут выглядеть так: “если - то - иначе то же самое, но под принуждением”.

Выше уже отмечалось, что главное отличие института защиты от института наказательной ответственности - в способе правового принуждения, ибо для первого характерно прямое, а для второго - опосредованное принуждение. Этот критерий должен быть положен и в основу для выяснения правовой природы тех принудительных мер, которые в силу некоторых правовых особенностей одними авторами рассматриваются как меры защиты, а другие их относят к мерам ответственности.

Речь прежде всего идет о случаях отмены незаконных актов высших и местных органов власти и о возмещении ущерба при случайном причинении вреда источником повышенной опасности. Посредством аннулирования незаконных (необоснованных) актов обеспечивается законность в деятельности государственных органов, а также охрана прав граждан и организаций. В данном случае отмена незаконного решения - это одномоментная акция органа или должностного лица, заключающая в себе и цель, и средство в единстве, что отличает меры защиты, основанные на прямом принуждении⁷³. И.С. Самощенко верно отмечает, что отмена незаконных актов принудительно возвращает соответствующие органы и должностных

⁷² См.: Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. М., 1972. С.122-124.

⁷³ Иную точку зрения см., например: Н.С. Малеин. Современные проблемы юридической ответственности // Государство и право. 1994. №6. С.26.

лиц на стезю законности⁷⁴. С помощью этой меры устраняются из правового пространства акты, которые в нем быть не должны⁷⁵.

Совсем другое дело, когда после аннулирования незаконного акта должностное лицо, его издавшее, несет неблагоприятные последствия; например, на него накладывается дисциплинарное или административное взыскание. Здесь налицо привлечение должностного лица к ответственной деятельности по подготовке и принятию законного акта с помощью опосредованного принуждения в виде дисциплинарного либо административного взыскания. Поэтому просто отмена незаконного акта, не сопряженная с неблагоприятными последствиями для лиц, виновных в их издании, означает на деле отсутствие ответственности⁷⁶.

В литературе по-разному толкуется характер санкций тех норм, которые предусматривают ответственность за случайное противоправное поведение. Причем чаще всего одни авторы рассматривают последствия случайного правонарушения как частный случай гражданско-правовой ответственности⁷⁷, другие - как меру защиты⁷⁸.

В качестве примера безвиновной ответственности приводится обычно ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. Согласно нашей парадигме об ответственности последняя актуализируется с помощью опосредованного принуждения через сознание и волю. Поэтому вопрос о вине как субъективном основании для привлечения к ответственности имеет принципиальное значение.

Поскольку при случайном причинении вреда лицо невиновно, то абсурдно его принуждать к правомерному поведению. Следовательно, прямое принуждение к возмещению убытков, причиненных источником повышенной опасности, есть не что иное, как мера защиты субъективного права потерпевшего.

Поэтому заслуживает внимания позиция, что случаи применения мер государственно-принудительного воздействия, не основанные на вине, должны получить иное нормативное решение, теоретическое истолкование и терминологическое обозначение, в частности, через категорию мер защиты⁷⁹.

Рассматривая возмещение убытков при случайном причинении как меры защиты, представляется, что роль норм права, регулирующих эти

⁷⁴ См.: Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963. С.207.

⁷⁵ См.: Шон Д.Т. Конституционная ответственность // Государство и право. 1995. №7. С.40-41.

⁷⁶ См.: Кучинский В.А. Указ. соч. С.178-179.

⁷⁷ См.: Антимонов Б.С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. М., 1952. С.32; Халфина Р.О. Указ. соч. С.337, 341 и др.

⁷⁸ См.: Шевченко Я.Н. Совершенствование законодательства о семье. Киев, 1986. С.148-149; Кучинский В.А. Указ соч. С.184-185 и др.

⁷⁹ См.: Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972. Т.1. С.387.

вопросы, этим не ограничивается. Ранее уже отмечалось, что поведение лица, превосходящее обычно предъявляемые требования, через которое реализуется позитивно-активная ответственность, - это право, а не обязанность субъекта. При этом данное поведение стимулируется различными мерами морального и материального поощрения. Случайное причинение вреда, в том числе и источником повышенной опасности, далеко не безразлично для общества. Поэтому государство кровно заинтересовано в их значительном сокращении, а по возможности, и в ликвидации совсем. Возмещение убытков здесь - это не наказание, а негативное средство для стимулирования инициативного, творческого подхода в решении различных научно-технических задач по предотвращению случайного причинения вреда.

Таким образом, мы сталкиваемся с такой ситуацией, когда позитивно-активная ответственность подкрепляется не поощрением, а неблагоприятными последствиями для лица, допустившего нарушение соответствующих норм права. И коль скоро абсолютная безопасность недостижима в силу ограниченности научно-технических и экономических возможностей общества, а возмещение причиненного вреда в полном объеме необходимо, то в связи с этим заслуживает поддержки предложение о введении института страхования гражданской ответственности. В соответствии с этим институтом владельцы индивидуальных машин в обязательном порядке должны вносить периодические денежные взносы в страховой фонд. При повреждении здоровья (или наступлении смерти) потерпевший (иждивенец) во всех случаях получает полное возмещение вреда от соответствующей страховой организации. Если причинение вреда было невиновным (случай), то владелец автомашины не несет никакой ответственности ни перед страховой организацией, ни перед потерпевшим⁸⁰.

§ 3. Правовое отношение ответственности

Проблема правоотношений в общей теории права справедливо относится к числу важнейших, конститутивных проблем. С ее помощью связываются в единое целое почти все основные категории права: нормы, субъекты и объекты регулирования, поведение, ответственность и т.д.

Указанные и другие понятия и институты функционируют в рамках этого единства, чем проверяется правильность их работы; их социальное и правовое назначение.

Следовательно, теория правовых отношений играет важную роль в методологии исследования вопросов юридической ответственности.

Отношения, возникающие в связи с совершением правонарушения, в литературе называются по-разному: санкционные, охранительные, ремонтно-восстановительные, штрафные, карательные, наказательные и

⁸⁰ См.: Малеин Н.С. Указ. соч. С.159-160, 163.

т.д.⁸¹ Пожалуй, из всех предложенных названий правоотношений, ремонтно-восстановительные в большей степени при всем их непривычном звучании отражают ту конечную цель правового регулирования, обусловленного нарушением норм. Поскольку этим названием еще раз была бы подчеркнута их функциональная роль - регулировать отношения между гражданином (правонарушителем) и государством, но уже иным методом, чем ранее, охранять общественные отношения, но уже от новых правонарушений и, регулируя и охраняя, восстанавливать нарушенный правопорядок⁸².

Соглашаясь с той ролью и предназначением "ремонтно-восстановительных" правоотношений, думается, что все же правильнее эти правоотношения назвать правоотношениями ответственности, поскольку их главная цель - привлечение субъекта через принуждение к ответственности, ответственному правомерному поведению.

Если же мы назовем эти правоотношения карательными, санкционными либо штрафными, то тем самым замкнем их на промежуточной цели - наказании, превратив его в самоцель.

Отдельные ученые, рассматривая понятие юридической ответственности, а также мер защиты, указывают на его связь с так называемыми охранительными правоотношениями.

Впервые понятие охранительных отношений было введено в научный оборот Н.Г. Александровым⁸³, но несмотря на поддержку и дальнейшее развитие его в работах С.С. Алексеева⁸⁴, это понятие не является безупречным.

Как известно, каждое положительное правоотношение регулирует и одновременно охраняет то или иное общественное отношение. При этом охрана (возможность принуждения) существует лишь потенциально как угроза. После правонарушения или правовой аномалии охрана положительного правоотношения переходит из потенциальной плоскости в актуальную.

Например, в соответствии со ст. 301 ГК РФ собственник имеет право истребовать свое имущество из чужого незаконного владения. Очевидно, что данная норма может свободно функционировать на фазе потенциального принуждения, регулируя отношения между собственником и владельцем по поводу определенного имущества. Однако, если владелец будет возражать против возврата имущества собственнику, то с помощью за-

⁸¹ См.: Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С.91-92; Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). С.77; Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск, 1989. С.96.

⁸² См.: Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Указ. соч. С.96.

⁸³ См.: Александров Н.Г. Указ. соч. С.91-92.

⁸⁴ См.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С.149-152; Он же. Проблемы теории права. Т.1. С.373, 383.

щитного правоотношения (виндикационного иска) потенциальное принуждение (или охрана) переходит в актуальное: вещь возвращается, но принудительно. При этом принуждение целенаправленно, так как оно осуществляется в соответствии с требованием ст. 301 ГК РФ. Следовательно, оно выполняет наряду с охраной регулирующую функцию. Таким образом следует логический вывод: так называемое охранительное правоотношение (в данном случае защитное) и регулирует, и охраняет.

Та же самая трансформация принуждения наблюдается и при наличии правоотношений ответственности.

Так, например, согласно ст. 74 Основ гражданского законодательства по договору купли-продажи продавец обязуется передать имущество (вещь, товар) в собственность (полное хозяйственное ведение или оперативное управление) покупателя, а покупатель обязуется принять имущество и уплатить за него определенную денежную сумму (цену). Таким образом, указанная статья определяет основные права и обязанности сторон, регулирует отношения по купле-продаже. Здесь охрана регулирования так же потенциальна, которая в случае нарушения обязательств одной из сторон становится актуальной.

Нужно отметить, что реальное принуждение, осуществляемое в данном случае через правоотношение ответственности, имеет в отличие от позитивного правоотношения свою специфику, которая заключается в следующем. Если одной из сторон ненадлежаще исполняются обязательства по договору купли-продажи, то к неисправной стороне, контрагенту, могут быть применены санкции - уплата неустойки (штрафа, пени), которые, хотя и опосредованно, но актуально принуждают к исполнению условий договора.

С помощью возникающего на основе правонарушения (невыполнение условий договора) правоотношения ответственности обеспечивается актуально-принудительное регулирование правоотношений по купле-продаже.

Таким образом, как и правоотношению защиты, правоотношению ответственности свойственно и регулирование, и охрана (принуждение к выполнению требований ст. 74 Основ гражданского законодательства).

Теперь возьмем пример, связанный с нарушением запрета, который как средство правового регулирования широко используется в административном и уголовном праве. Однако, каким образом осуществляется правовое регулирование: посредством правоотношений или вне их?

По мнению А.И. Санталова, отношения по соблюдению запретов уголовного права являются нормальными общественными отношениями, но они не приобретают качества правовых; к числу правовых можно отнести лишь реальные конкретные (относительные) отношения, урегулированные нормой права⁸⁵.

Полагаем, что тезис о возможности реализации прав и обязанностей вне правоотношений не выдерживает проверки как с позиции общей тео-

⁸⁵ См.: Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982. С.42.

рии права, так и уголовно-правовой, ибо в конечном итоге он означает, что тот, кто не совершает преступлений, для уголовного права безразличен⁸⁶. “Сами условия жизни, характер общения людей, опыт и традиции поколений, - пишет А.И. Санталов, - вырабатывают в обществе такой склад отношений, при котором не возникает в сознании мысли убить, украсть и т.д.”⁸⁷ Все это так, когда речь идет об общеизвестных преступлениях, однако как быть, когда лицо привлекается к уголовной ответственности за преступление, редко встречающееся в судебной практике, когда субъект полагает, что действие, им совершаемое, не общественно опасно, так как закон только что принят, а он юридически не осведомлен? Государство, принимая новые законы, стремится к тому, чтобы их знал каждый, кому он предназначен. С этой целью законы и комментарии к ним публикуются в печати, проводятся радио- и телепередачи, организуются лекции и т.д. Все это делается для того, чтобы лица соизмеряли свои действия, поступки с требованиями норм права.

Так, в КоАП РСФСР подавляющее большинство запрещающих норм. Это достаточно обширный правовой материал, без знания которого нетрудно допустить правонарушение.

Следовательно, “тот, кто не совершает преступление, - верно замечает В.С. Прохоров, - не только не безразличен для уголовного права, но и является целью, ради которой оно существует”⁸⁸. Та же самая цель характерна и для запретительных норм, содержащихся в иных отраслях права.

Таким образом, роль запрета в правовом регулировании позитивного поведения субъектов очевидна. Вопрос в другом: возникают ли при этом положительные, или, как их еще называют, регулятивные правоотношения?

В работах С.С. Алексеева, Н.И. Матузова, Б.Л. Назарова и др.⁸⁹ выдвигается положение о том, что правовые отношения могут возникать из запретительных норм права. В самом деле, каждая правовая связь является правоотношением. Субъективное право будет декларативно, если ему не корреспондирована обязанность. В свою очередь обязанность бессмысленна, если никто не может требовать ее выполнения. Запреты, обращенные к субъектам права как одинаковые масштабы, материализуются в фактических отношениях, в которых их субъекты являются носителями запрограммированных правом обязанностей не совершать определенных действий. Данным обязанностям соответствует право государства требовать от обязанных сторон правомерного поведения. “Вряд ли можно отрицать, - пишет Б.Л. Назаров, - наступление таких связей вместе с уста-

⁸⁶ См.: Прохоров В.С. Указ. соч. С.86-87.

⁸⁷ См.: Санталов А.И. Указ. соч. С.43.

⁸⁸ Прохоров В.С. Указ. соч. С.87.

⁸⁹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. Т.2. М., 1982. С.102-105; Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С.244-283; Назаров Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М., 1976. С.82-119. и др.

новлением государством тех или иных запретов. При этом такие связи являются юридическими, поскольку возникают благодаря правовым нормам. Эти связи являются правовыми отношениями, поскольку в них праву одной стороны соответствует обязанность другой⁹⁰.

Поэтому следует согласиться с теми авторами, которые считают, что на основе запретительных норм возникают положительные правоотношения, ничем особенным не отличающиеся от других.

При нарушении запрета соответственно возникает правоотношение ответственности, цель которого опосредованно (т.е. через наказание) принудить правонарушителя к правомерному поведению, т.е. к ответственности. Положительное правоотношение, имеющее своим источником запрет, регулировало и потенциально охраняло определенное общественное отношение. Когда позитивное правоотношение было нарушено из-за невыполнения субъектом своей обязанности, дальнейшее регулирование общественного отношения, как того требует запрет, стало осуществляться с помощью правоотношения ответственности, привнесшего с собой в правовое регулирование элемент актуального опосредованного принуждения (т.е. реальной охраны).

Гносеологические корни возникновения и поддержки концепции охранительных правоотношений в научной литературе связаны с тем, что правоотношения как защиты, так и ответственности рассматриваются слишком автономно, упуская из виду их вспомогательную, служебную роль по отношению к положительным (регулятивным) правоотношениям, которым они в случае необходимости придают реальную принудительность, это, во-первых. Кроме того, роль правоотношения ответственности в литературе ограничивается лишь наказанием (взысканием), тогда как это только средство обеспечения состояния ответственности.

Правонарушение как факт является основанием для возникновения индивидуально-определенного правоотношения ответственности. Особенность данного правового отношения заключается в том, что в его рамках реализуется принудительное воздействие на поведение нарушителя нормативных предписаний. Конкретное правоотношение ответственности есть форма принудительной реализации соответствующей правовой нормы.

Отношения юридической ответственности - это отношения, складывающиеся по вертикали: субъекты данного отношения не равны между собой, т.е. по своей природе являются государственно-властными отношениями или "властеотношениями". Один из участников отношений всегда обладает правомочием и фактической способностью к реализации карательно-принудительного воздействия⁹¹. Управомоченным субъектом правоотношения ответственности является государство.

Государственная воля, как известно, закреплена в нормах права. Поэтому нарушение нормы права одновременно означает и нарушение ин-

⁹⁰ Назаров Б.Л. Указ. соч. С.282-283.

⁹¹ См.: Базылев Б.Т. Указ. соч. С.80.

тересов государства, пренебрежительное к ним отношение. На это государство реагирует тем, что использует весь арсенал защитных средств, имеющихся у него в распоряжении, для отстаивания своих интересов.

Вторым субъектом отношений юридической ответственности является лицо, допустившее правонарушение. Им может быть человек или организация.

Содержание правового отношения ответственности образуют права и обязанности его участников. Социальная цель каждого правоотношения заключена в том, чтобы абстрактная модель нормы права реализовалась в действительности, в фактическом поведении сторон. Норма права, относясь к области должного и воздействуя на поведение субъектов через сознание и волю, находит свое воплощение лишь в правоотношении, которое является уже областью сущего.

Своеобразие правоотношения ответственности состоит в том, что в его рамках осуществляется применение наказания (мер взыскания), через которое лицо привлекается к ответственности. В нем праву государства на наказание правонарушителя и требованию после этого от него правомерного поведения корреспондирует обязанность нарушителя понести наказание и поступать в дальнейшем правомерно, т.е. ответственно (хотя и под принуждением). Указанная связь между государством и правонарушителем образует содержание отношения юридической ответственности. В дальнейшем эта связь, материализуясь через действия ее участников, приобретает свое реальное бытие, обуславливая состояние ответственности.

Б.Т. Базылев, рассматривая юридическую ответственность как развивающееся материальное правоотношение, выделяет три стадии: становления (первоначального развития), конкретизации и реализации, или осуществления. При этом первая стадия, начинающаяся с момента правонарушения, квалифицируется в юридическом процессе как стадия предварительного расследования преступления, досудебной подготовки гражданского дела к слушанию, расследования административного или дисциплинарного проступка. На стадии конкретизации применяется акт о наказании. На последней стадии осуществляется фактическая реализация карательного воздействия, которое было предписано актом о наказании; причем в этой стадии, по мнению автора, заключен смысл существования юридической ответственности, в ней юридическая ответственность материализуется⁹². Постадийное движение и развитие отношения юридической ответственности внешне проявляется через комплекс отношений процессуального характера⁹³.

Соглашаясь во многом с Б.Т. Базылевым, нельзя согласиться с главным. Принимая предложенные им стадии развития правоотношения ответственности, полагаем, что реализацией наказания не только не прекраща-

⁹² См.: Базылев Б.Т. Указ. соч. С.95-96.

⁹³ Там же. С.96.

ется отношение юридической ответственности, а напротив, после него достигает своего апогея, своего социально-правового целеполагания.

В целом верно отмечает В.С. Прохоров, что по отбытии наказания, после которого осужденный считается судимым, следует признать, что снятие или погашение судимости и является конечным моментом уголовно-правового отношения, так как именно до этого момента лицо продолжает нести бремя ответственности за совершенное им преступление⁹⁴. Аналогичное состоянию судимости, возникает состояние наказанности и после применения мер ответственности за гражданские деликты, административные и дисциплинарные проступки. Вот это состояние наказанности, ограниченное определенным сроком, и есть последняя стадия в развитии отношения юридической ответственности. В этой стадии субъект находится под актуальным психическим принуждением к соблюдению норм права. Теперь, являясь участником положительного правоотношения, свои обязанности он выполняет не при потенциальном, а при реальном принуждении. Принуждение к правомерному, а следовательно, и к ответственному поведению, безусловно, есть определенное состояние, именуемое ответственностью, которое не существует помимо одноименного правоотношения. С помощью мер ответственности генерируется правомерное поведение, которое является источником позитивной юридической ответственности. Однако она не может появиться в правомерном поведении в последней стадии развития правоотношения ответственности, так как это поведение принудительно. В принудительной правомерности, или в правомерности под принуждением - суть принудительной юридической ответственности.

Учитывая особенности правоотношения ответственности, определяется и его объект. Правовое отношение ответственности - это отношение между лицом, совершившим правонарушение, и государством по поводу меры ответственности и, следовательно, принудительно правомерного (ответственного) поведения. Применяемая мера ответственности, умаляя в определенной степени юридический и нравственный статус правонарушителя, воздействуя на его сознание и волю, побуждает (опосредованно принуждает) к определенному правомерному поведению. Правомерное поведение направлено на выполнение определенной, ранее невыполненной обязанности в позитивном правоотношении.

Следовательно, основным объектом отношения юридической ответственности является нарушенное позитивное правоотношение, которое правоотношение ответственности восстанавливает, наполняя его реальной принудительностью. Служебную роль по отношению к основному объекту выполняет вспомогательный объект - мера ответственности.

Вместе с тем, используя метод конкретизации, основной объект правоотношения ответственности будет изменяться.

⁹⁴ См.: Прохоров В.С. Указ. соч. С.99.

Известно, что в правоотношении две стороны: управомоченная и обязанная. Так вот, в нарушенном позитивном правоотношении принудительно исполняется обязанность посредством принудительно правомерного поведения обязанного лица. Таким образом, справедливо утверждать, что объектом правоотношения ответственности является и принудительно-правомерное поведение лица. В свою очередь, правомерному поведению (даже под принуждением) имманентна ответственность, характеризующая его качество. Следовательно, и она является объектом правоотношения ответственности. Но коль скоро принудительная ответственность является объектом, то соответственно она является и элементом правоотношения ответственности.

Эта ответственность не только объект (элемент) правоотношения ответственности, но и цель, смысл его возникновения, существования и развития.

Дискуссионен вопрос в юридической литературе о моменте возникновения принудительной юридической ответственности. Например, одни авторы это связывают с моментом совершения правонарушения⁹⁵. Другие, особенно в уголовно-правовой литературе, полагают, что на основании и с момента совершения правонарушения возникают лишь процессуальные правоотношения, материальные правоохранительные отношения, а вместе с ними и ответственность появляются либо после привлечения лица в качестве обвиняемого, либо с вынесением обвинительного приговора, либо со вступлением его в законную силу⁹⁶.

Главная причина существующей полемики в значительной мере протекает из-за отсутствия ясности в понимании соотношения наказательной ответственности и правоотношения, в котором она существует и реализуется.

Действительно, с момента совершения правонарушения возникает материальное отношение юридической ответственности, ибо после этого факта возникает известная связь государства с нарушителем. Между тем возникновение и движение правоотношения ответственности, оформленного процессуальными действиями компетентных органов, - это еще не сама наказательная юридическая ответственность. Она - итог его развития, для ее появления необходимо реальное, а не возможное претерпевание правонарушителем неблагоприятных последствий. И только в этом случае, после осуществления меры ответственности возникает принудительная (наказательная) юридическая ответственность.

Процессуальные действия могут развивать, конкретизировать, осуществлять материальное правоотношение, но ни констатация факта право-

⁹⁵ См.: Кучинский В.А. Указ. соч. С.190; Базылев Б.Т. Указ. соч. С.90; Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976. С.73-74 и др.

⁹⁶ См.: Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. М., 1968. С.21, 27; Смирнов В.Г. Правоотношения в уголовном праве // Правоведение. 1961. №3. С.93-96; Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961. С.62-63.

нарушения компетентными государственными органами, ни акт привлечения лица к ответственности, ни акт применения юридической санкции, ни ее реализация не могут породить право государства наказать человека⁹⁷ и соответственно потребовать таким образом ответственного поведения, кроме как за факт допущенного правонарушения.

Правоотношение юридической ответственности возникает объективно и независимо от усмотрения соответствующих государственных органов и должностных лиц.

Говоря о стадиях развития указанного отношения, следует подчеркнуть, что его прекращение в предусмотренных законом случаях возможно на любой из них.

Так, согласно ст. 22 КоАП РСФСР, при малозначительности совершенного административного правонарушения орган (должностное лицо), уполномоченный решать дело, может освободить нарушителя от административной ответственности и ограничиться устным замечанием. Аналогичное положение об освобождении от уголовной ответственности содержится в ст. 50 УК РСФСР.

Приведенные примеры - это случаи, когда правоотношение юридической ответственности прекращается на первой стадии. В соответствии с той же ст. 50 (ч.1) УК РСФСР возможно прекращение отношения юридической ответственности на стадии конкретизации, если будет признано, что лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, ко времени рассмотрения дела в суде перестало быть общественно опасным, или это деяние вследствие изменения обстановки потеряло характер общественно опасного. На стадии реализации прекращения развития правоотношения ответственности возможно в силу условно-досрочного освобождения, амнистии, помилования, сокращения срока лишения специального права (см.ст.ст. 53, 55, 56 УК РСФСР, ст. 297 КоАП РСФСР). Не является исключением и стадия наказанности, где прекращение отношения юридической ответственности производится в связи с досрочным снятием судимости (ч. 2 ст. 57 УК РСФСР), дисциплинарного взыскания (ст. 137 КЗоТ РФ) и реальным исполнением контрагентом ранее не выполненной обязанности.

К сожалению, КоАП РСФСР не предусматривает возможности до истечения срока снять административное взыскание за добросовестное, правомерное поведение. Очевидно, что это лишает положительных стимулов, способствующих воспитанию лиц, совершивших административные правонарушения, и поэтому следует дополнить Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации соответствующей поощрительной статьей.

Вопросы для самопроверки

⁹⁷ См.: Базылев Б.Т. Указ соч. С.90.

1. Раскройте содержание социальной ответственности и определите место в ней юридической ответственности.
2. Назовите меры юридической ответственности и меры защиты, найдите общее и особенное.
3. В чем специфика отношения юридической ответственности?

ГЛАВА II

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК КОМПЛЕКСНЫЙ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ИНСТИТУТ В СИСТЕМЕ ПРАВА

§ I. Структура права и место в ней межотраслевых комплексных институтов

В последнее время в правовой науке много внимания уделяется разработке методологических основ изучения правовой системы общества и ее ядра - права и законодательства, где особая роль принадлежит системному подходу как способу исследования правовой материи. Специфика этого подхода состоит в том, что все правовые явления рассматриваются как целое, в их взаимосвязи и взаимообусловленности⁹⁸.

Системный подход как одна из сторон научной методологии представляет собой дальнейшую конкретизацию и углубление диалектического учения о взаимной связи в развитии явлений природы и общества. Содержание системного подхода в самом широком смысле слова составляют онтология систем (их бытие, существование), гносеология систем (познание систем и системность знания о них) и управление системами (обеспечение их функционирования, совершенствования и развития, практика их созидания)⁹⁹.

Основанный на общенаучной теории исследования систем системный подход в юриспруденции пополнился началами и инструментарием, специфическими для данной области знания. Основываясь на этом способе исследования, Д.А. Керимов, С.С. Алексеев, С.В. Поленина, И.С. Самощенко и другие авторы¹⁰⁰ сделали плодотворные выводы об основных законах ге-

⁹⁸ См.: Правовая система социализма: понятие, структура, социальные связи / Отв. ред. А.М. Васильев. М., 1985. Кн.1; Правовая система социализма: функционирование и развитие / Отв. ред. А.М. Васильев. М., 1987. Кн.2.

⁹⁹ См.: Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. М., 1981. С.4.

¹⁰⁰ См.: Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972; Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975; Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства; Система советского законодательства / Отв. ред. И.С. Самощенко. М.,

нетических, структурных и функциональных связей элементов системы права, иерархии систем, о важнейших системообразующих факторах и т.д.

Естественно, что подход к изучению системы права, к вскрытию начал и способов системного воздействия на общественные отношения предполагает единое научно обоснованное представление о системах вообще и системах права в частности.

Философским отправным моментом такого подхода может стать определение системы, которое дал В.С. Тютин: "Система есть множество связанных между собой компонентов той или иной природы, упорядоченное по отношениям, обладающим вполне определенными свойствами; это множество характеризуется единством, которое выражается в интегральных свойствах и функциях множества"¹⁰¹.

Имманентными признаками всякой системы, считает Ю.А. Урманцев, являются: 1) единое основание объединения объектов (компонентов, элементов); 2) наличие отношений, обуславливающих единство совокупных объектов; 3) определенный закон композиции элементов¹⁰².

На основе данной общей дефиниции систему права можно определить как совокупность правовых форм, внутреннее упорядоченную по отношениям, обеспечивающую относительную самостоятельность и единство этой совокупности, которое выражается в ее интегральных, обеспечительных и координационных свойствах и функциях¹⁰³. Это определение в достаточной мере широко и охватывает существенные признаки как системы права, так и его подсистем: отраслей, подотраслей, институтов и т.д.

Для права характерна иерархия систем различных уровней и функциональной направленности, начиная с нормы (моносистема) и кончая исторически определенной системой права (многосистемное образование)¹⁰⁴. Иерархия систем различных уровней служит показателем специфики структуры права. Констатация элементов и их иерархичности (систем) в системе права лишь один из этапов для познания его структуры. "Собственно структурный анализ системы, - пишет Н.Ф. Овчинников, - начинается с выявления определенного состава системы, с детального исследования частей, или иначе, элементов, с открытия их неделимости в определенном отношении. Это отношение при дальнейшем анализе рассматриваемой системы предстает как структурное отношение"¹⁰⁵. Второй этап познания структуры права, как это следует из приведенного высказывания, заключа-

1980 и др.

¹⁰¹ Тютин В.С. Отражение, системы, кибернетика. М., 1972. С.11.

¹⁰² См.: Урманцев Ю.А. Начала общей теории систем // Системный анализ и научное знание. М., 1978. С.10-11.

¹⁰³ См.: Илларионова Т.И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер. Свердловск, 1980. С.5.

¹⁰⁴ См.: Керимов Д.Н. Указ. соч. С.282.

¹⁰⁵ Овчинников Н.Ф. Структура и симметрия // Системные исследования. Ежегодник. 1969. С.114.

ется в выявлении и анализе связей и отношений ее элементов. На этом, более глубоком этапе познания структуры права вырисовываются устойчивая упорядоченность его элементов, свойственные им отношения порядка, композиции (генетические и функциональные связи; интегративные свойства и др.). Вот здесь-то российское право и предстает в виде единой, внутренне юридически согласованной системы, цельного правового организма¹⁰⁶.

Рассмотрение структуры права не только как состав его компонентов (отраслей, институтов, норм), но и как устойчивую связь между элементами позволяет нам видеть не только ее статику, но и динамику. Поэтому структура может пониматься и как строение (состав) объекта, и как закон связи, система устойчивых отношений между элементами, и как результирующая структура, результат взаимодействия между элементами¹⁰⁷.

Перечисленные характеристики позволяют при анализе системы права рассматривать структуру в качестве инвариантного состояния его системы, а также выявить состав образующих систему элементов, закономерности внутренней организации системы через установление устойчивых связей между элементами и между каждым элементом и системой в целом.

Выявление закономерностей в строении права и их использование способствует правильному уяснению и применению закона, а также дальнейшему его совершенствованию. Особое значение исследования структуры имеют для устранения правовых диспропорций, пробелов, разноречий и т.д.

Российское право полиструктурно, поскольку его, как и другие целостные системные образования, отличает известная иерархия структур, дифференцированная на нормы, институты, отрасли. И если наличие указанной триады (норма, институт, отрасль) всегда является необходимым в строении права, то имеются и не обязательные правовые образования, как подотрасли, субинституты, межотраслевые комплексные институты.

С.С. Алексеев, выделяя в иерархии структур главную структуру в строении права: норма, институт, отрасль, - вместе с тем допускает удвоение и утроение структуры права, которые как комплексные образования наслаиваются над главной.

Появление вторичных структур он объясняет богатством и многогранностью правового регулирования ряда общественных отношений, невозможностью вместить все особенности регулирования в рамках одной, хотя бы и главной структуры. Именно этим и объясняется иерархия структур¹⁰⁸.

Не отрицая онтологии комплексных правовых образований и их важной роли в регулировании общественных отношений, представляется, что они

¹⁰⁶ См.: Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С.19.

¹⁰⁷ См.: Свидерский В.И., Зобов Р.А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. Л., 1970. С.34, 44, 97, 100.

¹⁰⁸ См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С.29; Он же. Теория права. М., 1993. С.110.

вторичных структур права не составляют, а лишь являются показателем его развития, предпосылкой образования новых отраслей права.

Российскому праву присуща не только иерархия структур, ее образующих, но и многоуровневость. Многоуровневая структура права - не прихоть законодателя или результат научного творчества. Она существует объективно, будучи обусловлена и генетически связана с системой общественных отношений, основанных на экономическом базисе. Структура права как надстроечное явление, можно сказать, отражает различные уровни общественных отношений. Поэтому и происходит интеграция норм как первичных элементов структуры права в структурные образования более высокого уровня - институты, отрасли; завершается интегративный процесс образованием единой структуры права. Многоуровневость структуры права можно проследить и по нисходящей, т.е. сверху вниз, расчленяя структурные образования более высокого порядка на более низкого порядка.

Все структурные уровни органически спаяны между собой и внутренне согласованы, что объясняется политическим и социально-экономическим единством российского права.

Говоря об объективной обусловленности структурных элементов права системой общественных отношений, нельзя в связи с этим согласиться, в частности, с Ц.А. Ямпольской, предлагающей отказаться от деления права на отрасли. По ее мнению, существуют только отрасли законодательства как наиболее крупное членение правовых норм и вместе с этим и проблема системы законодательства, которая должна строиться на основе функционального критерия. Право же следует рассматривать как систему прочно взаимосвязанных в единое целое правовых норм, которые можно классифицировать внутри системы в зависимости от конкретных научных и практических задач¹⁰⁹.

Такой подход к трактовке права, как верно замечает М.В. Молодцов, равносителен отказу от признания его системного характера, ибо не может быть системы без определенной внутренней организации, без структуры¹¹⁰. "Структура не мыслима вне системы, равно как и система в своей основе всегда структурна"¹¹¹.

Эта позиция ведет к отрыву системы законодательства от обусловленной общественными отношениями объективно существующей и выявленной наукой системы права, с которой как с компасом сверяет свои действия законодатель при принятии того или иного конкретного решения¹¹².

Говоря о влиянии системы общественных отношений на структуру права, безусловно, имеется в виду их разнокачественность и своеобразие,

¹⁰⁹ См.: Яшпольская Ц.А. Система советского права и перспективы его развития // Советское государство и право. 1982. № 6. С.94-95.

¹¹⁰ См.: Молодцов М.В. Система советского трудового права и система законодательства о труде. М., 1985. С.13.

¹¹¹ Овчинников Н.Ф. Указ. соч. С.114.

¹¹² См.: Поленина С.В. Указ. соч. С.21.

требующие специфического правового регулирования. Эти качественно различные группы общественных отношений, представляющие собой предмет правового регулирования соответствующих подразделений структуры права, являются главным системообразующим фактором¹¹³, объективным критерием деления права на отрасли, подотрасли и институты. Так, главным системообразующим фактором для гражданского права являются имущественные отношения, а для административного права - властно-управленческие отношения.

Однако только предмета правового регулирования для дифференциации, в частности отраслей права, недостаточно. Так как нормы иногда регулируют аналогичные общественные отношения (например, по охране собственности), но относятся к различным отраслям права (уголовному, гражданскому и т.д.).

Поэтому следующим системообразующим фактором в науке выделяют метод правового регулирования. Однако нужно заметить, что специфический метод в чистом виде свойственен только двум отраслям российского права - гражданскому и административному. Так, для первого характерно равенство участников общественных отношений, для второго - их подчиненность. Для всех остальных отраслей права характерны, хотя и особые, но комбинированные или сборные методы. Так, В.Ф. Яковлев справедливо отмечает, что отдельные черты метода могут быть присущи нескольким отраслям, хотя и в своеобразной форме; индивидуальность метода каждой отрасли права определяется соотношением дозировки элементов дозволения, обязывания и запрета. При этом В.Ф. Яковлев, занимаясь исследованием метода гражданского права, пытается доказать, как основные его черты проявляются в институтах права собственности, обязательственного права, наследственного права и т.д.¹¹⁴ Таким образом, можно констатировать, что предпринимается попытка найти один из системообразующих факторов подразделений структуры права на уровне институтов.

Очевидно, что в комплексных отраслях (морское, банковское, страховое право и т.д.), где нормы, в них входящие, не связаны единым методом и механизмом регулирования и где почти все они (нормы) имеют "прописку" в основных отраслях, довольно сложно определить специфический метод регулирования. Тем не менее С.С. Алексеев полагает, что эту комплексную общность отличает не специфический метод и механизм регулирования, а некоторые особые принципы, общие положения, отдельные специфические приемы регулирования, свидетельствующие о существовании специального, хотя и не видового юридического режима¹¹⁵. "К

¹¹³ Под системообразующими факторами понимают все явления, силы, вещи, связи и отношения, которые приводят к образованию системы. См.: Аверьянов А.Н. Системное познание мира. М., 1985. С.49.

¹¹⁴ См.: Яковлев В.Ф. Сущность и основные черты гражданско-правового метода регулирования общественных отношений // Правоведение. 1972. № 6. С.82.

¹¹⁵ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т.1. С. 254.

сожалению, - как верно замечает С.Н. Братусь, - утверждение относительно появления общих принципов, положений и специфических приемов регулирования, например. в морском и страховом праве не было подкреплено автором достаточными доказательствами¹¹⁶.

Метод правового регулирования как системообразующий фактор произведен от предмета, т.е. от совокупности тех общественных отношений, являющихся объектом его воздействия.

Природа общественных отношений определяет ту или иную комбинацию юридических приемов, способов и средств, предназначенных для достижения целей правового регулирования. Поэтому методы (средства) регулирования, взятые сами по себе, взятые абстрактно, независимо от предмета, на которые они направлены и независимо от их типичных сочетаний по отношению к определенным предметам, не могут служить основанием для разделения права на отрасли¹¹⁷.

В.Ф. Мешера, игнорируя указанную взаимосвязь и ориентируясь на виды санкций, при построении системы права, пришел к ошибочному выводу о существовании всего лишь трех отраслей права: уголовного, гражданского и административного¹¹⁸.

К другим вспомогательным системообразующим факторам, которые, как и метод правового регулирования, находятся в самой правовой материи, относятся принципы права, механизм правового регулирования.

Особое место среди указанных критериев занимают правовые принципы. Отражая в концентрированном виде сущность, основные задачи, цели и функции российского права, они выступают в качестве активного или управляющего центра структуры права. Принципы права не только определяют строение системы права, но их требования учитываются и при ее изменении. Ни норма права, ни институт, а также отрасль права не могут противоречить принципам российского права. В свою очередь, изменение в содержании правовых принципов, появление новых неизбежно сказывается на содержании соответствующих структурных подразделений системы права. Собственно, поэтому ряд основных принципов закреплён в Конституции Российской Федерации, конституциях республик в составе Российской Федерации, т.е. главных законах, которые служат основой для российского законодательства.

Система принципов российского права, в зависимости от сферы их действия от той области правовых норм, на которую они распространяются, или, иначе говоря, от совокупности тех или иных общественных отношений, на которые они воздействуют, подразделяются на четыре уровня: общие, межотраслевые, отраслевые и принципы отдельных институтов. К принци-

¹¹⁶ Братусь С.Н. Соотношение системы права и системы законодательства // Система советского законодательства. С.41-42.

¹¹⁷ См.: Братусь С.Н. Указ. соч. С.47-48.

¹¹⁸ См.: Мешера В.Ф. О делении советского права на отрасли // Советское государство и право. 1957. № 3. С.96-97.

пам институтов можно отнести с известной долей условности и принципы подотраслей права, например жилищного, воздушного, морского права.

Между принципами существует прямая и обратная связь: общеправовые принципы прямо влияют на формирование отраслевых, которые, в свою очередь, обуславливают становление принципов отдельных институтов права. Но и принципы институтов могут быть и являются базой формирования принципов отраслей права, которые сами служат базой формирования общеправовых принципов¹¹⁹. Взаимосвязь между принципами отражает одну из сторон проявления связей между различными уровнями структуры права. В то же время они придают российскому праву несущую конструкцию, вокруг которой формируются нормы, институты, отрасли и вся система¹²⁰.

Наличие тесных связей между принципами различных уровней отнюдь не умаляет как их известной автономности, так и автономности структурных подразделений права, где принципы выступают в качестве цементирующего начала.

Отмечая немаловажную роль в выявлении структуры права вспомогательных критериев, необходимо подчеркнуть их служебную роль. Это объясняется тем, что объективную основу структуры права составляют различные виды общественных отношений. Поэтому вспомогательные критерии лишь помогают в установлении, конкретизации определенной группы общественных отношений, в то же время они сами обусловлены характером и спецификой этих отношений, составляющих предмет правового регулирования.

С учетом изложенного выше отрасль права можно определить как объективно обособленную в системе права совокупность юридических норм, которыми регулируется определенный вид или группа общественных отношений, отличающихся качественным своеобразием.

Несколько институтов, входящих в одну и ту же отрасль, образуют подотрасль права. Ее выделение сопряжено с тем, что институты, ее составляющие, регулируют качественно однородные общественные отношения, входящие в предмет регулирования отрасли права.

Институт права отличается от отрасли прежде всего масштабом предмета регулирования: он регулирует не всю совокупность качественно однородных общественных отношений, а лишь различные стороны (признаки, особенности) одного типичного общественного отношения. Институт права, будучи подсистемой системы отрасли права, имеет общие с ней характеристики - объективную обособленность и органическое единство компонентов, специфичность метода, относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования, хотя и другого уровня¹²¹.

¹¹⁹ См.: Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М., 1982. С.31.

¹²⁰ См.: Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С.151.

¹²¹ См.: Керимов Д.А. Указ. соч. С.300.

Как правило, институт права полностью входит в состав определенной отрасли, например, институт договора дарения или купли-продажи - в состав гражданского права. Между тем встречаются случаи, когда одни и те же общественные отношения являются предметом регулирования норм различных отраслей права. Такое положение сопряжено с тем, что "чистых" явлений как в природе, так и в обществе не существует. Поэтому при конструировании системы права по предметному критерию мы сталкиваемся с тем, что они, как правило, взаимодействуя друг с другом, пересекаются, что порождает возникновение промежуточных, пограничных явлений на стыке такого взаимодействия¹²².

Отражением указанных промежуточных пограничных явлений и служит такая правовая общность в структуре права, как межотраслевой комплексный институт. Существование этих институтов - не искусственное объединение тех или иных норм права, их бытие обусловлено необходимостью регулирования отдельных видов общественных отношений. Формирование указанных институтов вызвано тесным контактированием между отраслями, их взаимосвязью, обусловленной существованием "пограничных" общественных отношений, функциональными и генетическими связями, необходимостью "подстройки" под режим соседнего участка правового регулирования и т.д.¹²³

В литературе различают, в частности, межотраслевые функциональные и межотраслевые пограничные комплексные институты¹²⁴. Как первые, так и вторые появляются на стыке смежных отраслей права, которые близки характером регулируемых ими отношений. При этом в зависимости от характера отраслей права определяется и вид комплексного института. Так, для межотраслевого функционального комплексного института почвой для его возникновения необходим "стык" неоднородных отраслей права. Примерами данного института могут служить поставка и перевозка. Для этих институтов, особенно для института перевозки, характерна концентрация норм административного и гражданского права. Между нормами указанных отраслей при регламентации общего предмета регулирования имеются функциональные связи. Чаще всего указанная связь проявляется в том, что прямое указание закона выступает в качестве необходимой предпосылки, одного из элементов сложного фактического состава, служащего основанием возникновения гражданских отношений¹²⁵.

Соотношение, в частности, акта планирования и транспортного договора имеет определенную подвижность, обусловленную наличием между ними функциональных связей.

¹²² См.: Молодцов М.В. Указ. соч. С.19.

¹²³ См.: Алексеев С.С. Структура советского права. С.132.

¹²⁴ См.: Поленина С.В. Социалистическое право как система // Социалистическое право и научно-техническая революция. М., 1979. С.56.

¹²⁵ См.: Поленина С.В. Там же. С.56.

Пограничные межотраслевые комплексные институты, в отличие от функциональных, возникают на стыке смежных, но уже однородных отраслей права, примером которых могут быть отрасли гражданского права: гражданское, семейное, трудовое и другие. Для этого вида комплексных институтов характерна уже не функциональная, а подвижная предметно-регулятивная связь между нормами смежных однородных отраслей права. Эта связь находит свое выражение в том, что на предмет одной отрасли права налагаются некоторые элементы метода правового регулирования другой отрасли. Институтами такого рода можно назвать, например, институт возмещения вреда, причиненного здоровью гражданина увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением им трудовых обязанностей; институт права собственности граждан, институт опеки и попечительства¹²⁶.

Нужно отметить, что положение в системе права указанных межотраслевых комплексных институтов с точки зрения перспектив развития российского права далеко не однозначно. Так, если для межотраслевых функциональных комплексных институтов характерна известная устойчивость в структуре права, то для пограничного комплексного института имманентны потенции совершенствования и развития системы права.

Ф. Энгельс отмечал, что "ход правового развития состоит по большей части только в том, что сначала пытаются устранить противоречия, вытекающие из непосредственного перевода экономических отношений в юридические принципы, и установить гармоническую правовую систему, а затем влияние и принудительная сила дальнейшего экономического развития опять постоянно ломают эту систему и втягивают ее в новые противоречия"¹²⁷. Таким образом, в "правовом развитии" действуют две тенденции: одна к обеспечению согласованности системы права, а другая - к ее нарушению.

Причем данный противоречивый процесс объективно обусловлен экономическим ходом развития исторически определенного общества. Выводы Ф. Энгельса о тенденциях в правовом развитии однозначно свидетельствуют об актуальности исследований в целях установления действительных путей в развитии российского права, его структуры.

В этом направлении заслуживают внимания исследования С.В. Полениной, конкретно указавшей условия становления новых отраслей права: а) распространение правовой регламентации на ту часть социальной действительности, которая раньше не была объектом правового регулирования; б) отпочкование от одной или нескольких отраслей права взаимосвязанной совокупности норм (правовых институтов), приобретших качествен-

¹²⁶ См.: Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Правоведение. 1975. № 3. С.75; см. также Поленина С.В. Пограничный институт гражданского и трудового права (Возмещение вреда, причиненного здоровью) // Советское государство и право. 1974. № 10. С.66-68.

¹²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.37. С.418.

но новые свойства. Материальным субстратом для появления новой отрасли права применительно только ко второму случаю является межотраслевой пограничный комплексный институт. Его превращение, а точнее, группы взаимосвязанных пограничных институтов в новую отрасль права возможно лишь тогда, когда этот институт приобретает некую определенную "критическую массу", лишь по достижении которой у него появиться необходимая сумма новых свойств, касающихся предмета, метода, принципов и механизма правового регулирования. Наличие особых критериев или системообразующих факторов (предмета, метода, принципов, механизма регулирования), безусловно, свидетельствует об утрате соответствующим правовым образованием признака комплексности и появления новой отрасли права. Поэтому закономерен вывод автора, что сама природа отрасли права как категории социальной действительности исключает возможность существования "комплексных" отраслей права¹²⁸. Думается, дальнейшим шагом в изучении развития структуры права, в частности, такой его части, как отрасли, будут служить исследования, направленные на выяснение признаков отраслеобразующей "критической массы" нормативного материала.

До сих пор рассматривалась структура права с позиции дифференциации ее по предметному критерию и сопутствующих ему вспомогательных критериев. Однако сложность и многоуровневость структуры права, ее не только предметные, но и функциональные характеристики предполагает анализ системы права и со стороны присущих ей связей. Это позволяет взглянуть на структуру права под иным углом зрения, обнаружить новые свойства и закономерности, присущие структуре права, ее другую плоскость. Необходимость такого подхода прямо вытекает из известного высказывания Ф. Энгельса: "В современном государстве право должно не только соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть внутренне согласованным выражением, которое не опровергло бы само себя в силу внутренних противоречий"¹²⁹.

В настоящей работе мы не будем останавливаться на структурных подразделениях российского права, появление которых обусловлено функциональным "разделением труда" между нормами права, сопряженные с тем, что различные группы норм осуществляют различные функции в сложном механизме правового регулирования¹³⁰. Предметом рассмотрения будет лишь межотраслевой комплексный институт принудительной юридической ответственности, а также межотраслевой комплексный институт государственного поощрения¹³¹. В связи с тем, что стимулирующее воздействие позитивной правовой ответственности на поведение лю-

¹²⁸ См.: Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права. С.77.

¹²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.37. С.418.

¹³⁰ Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. С. 35.

дей опирается главным образом на механизм положительных санкций (мер поощрения)¹³², считаем, что институт государственного поощрения точнее будет именовать межотраслевым комплексным институтом позитивной юридической ответственности. Указанные институты относятся к группе функциональных, обслуживающих различные отрасли права; первый из них осуществляет "сквозную" регламентацию важнейших положений, связанных с привлечением правонарушителей к юридической ответственности, второй регулирует вопросы применения мер государственного поощрения (мер позитивной юридической ответственности) к лицам, поступающим юридически ответственно. В известном смысле эти правовые образования можно представить и как предметные институты.

Так, предметом своего регулирования у межотраслевого комплексного института принудительной юридической ответственности являются конфликтные, негативные (деликтные) отношения, которые, хотя и отличаются по видам в зависимости от степени общественной вредности, однако все они схожи по типу.

Одинаков и метод регулирования этих отношений карательно-принудительный. Имеются и характерные для данного института принципы: законность, справедливость, персонифицированность и т.д. Наличие указанных критериев или системообразующих (структурообразующих) факторов, естественно, обуславливают и особый механизм правового регулирования. Причем перечисленные критерии присущи всем структурным подразделениям, составляющим межотраслевой комплексный институт принудительной юридической ответственности¹³³.

Кроме того, цементирующим началом этого института, его первичным строительным материалом являются однотипные нормы юридической ответственности, предусматривающие меры карательно-принудительного воздействия. И конечно, в силу своей специализации и особой функциональной направленности они обеспечивают высокую степень целостности межотраслевого института как структурированного системного образования¹³⁴.

¹³¹ См.: Баранов В.Н. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. С. 85-86.

¹³² Существует мнение, что вне положительных санкций нет и не может быть позитивной правовой ответственности. См.: Жеребин В.С. Диалектика социальных противоречий при социализме и право. М., 1986. С. 112.

¹³³ К структурным подразделениям указанного института относятся: отрасль уголовного права, подотрасль административного права - административные правонарушения и отраслевые институты принудительной юридической ответственности.

¹³⁴ В свою очередь, предметом межотраслевого комплексного института позитивной юридической ответственности являются общественные отношения, содержание которых - общественно полезная деятельность; его метод - поощрение; принципы: законность, справедливость, персонифицированность и т.д.; цементирующей основой данного института служат поощрительные нормы.

С учетом только что отмеченных структурно-предметных признаков межотраслевого комплексного института принудительной юридической ответственности, а также, принимая во внимание функциональную взаимосвязь, существующую между его структурными подразделениями, возникает вопрос: возможно ли на базе данного института появление новой правоохранительной отрасли?¹³⁵ Думаем, что нет, и прежде всего по следующим причинам.

Дело в том, что предмет правового регулирования - конфликтные (деликтные) отношения относятся к различным отраслям права и, кроме того, они различаются по степени общественной вредности. Естественно, что указанный "сборный" предмет правового регулирования не может быть предметом отрасли права, для которой необходим достаточно высокий уровень качественного единообразия регулируемых отношений. Помимо этого различие конфликтных общественных отношений на уровне вида предполагает и различные методы воздействия на правонарушителей. Причем общество не заинтересовано в нивелировке различий в методах наказания, так как то или иное правонарушение объективно требует адекватной реакции на него.

Таким образом, отсутствие должного единства предмета и метода исключает появление отрасли права на основе межотраслевого комплексного института принудительной юридической ответственности.

Между тем структурно-предметный анализ межотраслевых комплексных институтов наказательной и позитивной юридической ответственности вырисовывает перед нами их только как результата бытия, как следствие тех предпосылок (в том числе и законодательных), которые определили их наличие.

Однако таких сведений, помогающих глубже выяснить сущность, природу и социальное назначение указанных институтов, недостаточно. Здесь в соответствии с их природой необходим структурно-функциональный подход, дающий возможность представить указанные комплексные институты с точки зрения их обусловленности, функционирования и развития, т.е. нужно показать те гравитационные силы, которые вызывают эти институты к жизни и работе, а так же обуславливают их слияние в единый функциональный межотраслевой комплексный институт юридической ответственности. Такими силами являются генетические, функциональные связи и связи строения, пронизывающие отмеченные межотраслевые комплексные образования системы права.

¹³⁵ В литературе имеется точка зрения, согласно которой в настоящее время на базе правоохранительных институтов мер защиты и ответственности формируется межотраслевая правоохранительная отрасль права. См.: Шевченко Я.Н. Теоретические проблемы правового регулирования гражданской ответственности несовершеннолетних за правонарушения: Автореф. докт. дис. Харьков, 1982.С.6-7.

§ 2. Генетические, функциональные связи и связи строения межотраслевого комплексного института юридической ответственности

Генетические связи, или, как их еще называют, связи порождения в общефилософском смысле отражают то особое отношение, когда один объект выступает как основание, вызывающее к жизни другой¹³⁶.

Применительно к праву как одному из компонентов надстройки эта связь проявляется в первую очередь в безусловной зависимости его от экономического базиса как совокупности господствующих в обществе производственных отношений. Исторически определенный тип экономического базиса предопределяет и особый характер других общественных отношений. Все эти отношения находят свое закрепление и защиту в праве, в формировании которого огромную роль играет государство. Таким образом, различая внешние и внутренние генетические связи, к первым следует отнести связи права с экономическим базисом, другими общественными отношениями и с государством. Конечно, перечисленные внешние генетические связи права не исчерпывают всего их многообразия, так как такую связь права можно проследить, например, с классовой структурой общества, с политической организацией общества, с историческими традициями и т.д. Однако здесь достаточно выделения лишь главных внешних генетических связей.

Как уже указывалось ранее, группы близких по характеру общественных отношений, представляющих собой предмет правового регулирования, служат основой формирования отраслей и институтов. Эти же группы общественных отношений можно рассматривать и как источник появления различных структурных подразделений системы права. В таком подходе яснее прослеживается, более очерчивается генетическая связь структурных частей права с предопределяющими их разнокачественными группами общественных отношений.

Наличие различного рода конфликтных отношений в обществе, порождаемых правонарушениями, закономерно обуславливает появление определенного правового механизма защиты и ответственности. И такой механизм, в большей или меньшей мере законодательно закрепленный, на уровне отраслей права имеется. На таком уровне достаточно четко просматривается генетическая связь между негативными отношениями, регулируемые отраслевыми институтами принудительной юридической ответственности. У различных конфликтных отношений имеется много общего, что логически необходимо и целесообразно их представлять как отношения одного типа. А раз так, то эти отношения генетически служат основой, вызывая к жизни соответствующее структурное образование в

¹³⁶ См.: Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 189.

системе права, именуемое межотраслевым комплексным институтом принудительной юридической ответственности. В свою очередь государство, осуществляя дифференцированный подход к оценке общественно полезной деятельности с помощью мер поощрения, соответственно имеет на уровне тех или иных отраслей права механизм позитивной юридической ответственности. Однако правовая регуляция методом поощрения различных форм общественно полезной деятельности, исходя из их в основном единой природы, также предполагает много общего, что, в свою очередь, генетически является источником для появления в системе права межотраслевого комплексного института позитивной юридической ответственности. Каждый из этих институтов, хотя и не имеет единого законодательного закрепления, однако их объективное бытие особенно ясно высвечивается в процессе взаимодействия норм и институтов как позитивной, так и принудительной юридической ответственности различных отраслей права, о чем подробнее будет сказано ниже.

Особую роль в межотраслевом комплексном институте принудительной юридической ответственности играют внутренние генетические связи. Их наличие особенно легко обнаруживает себя, когда предметом анализа служат виды наказательной юридической ответственности родственных отраслей права.

Так, принудительная гражданско-правовая ответственность, являясь классическим видом ответственности в системе российского права, разумеется, влияет на институты наказательной ответственности отраслей права, входящих в цивилистическую семью. И это сопряжено не только с тем, что принудительная гражданско-правовая ответственность имеет глубоко разработанную теорию, но и с детальным законодательным решением вопросов имущественной ответственности. Такое влияние, в частности, проявляется при использовании в субсидиарном порядке тех или иных норм гражданского права при возмещении ущерба, возникшего в связи с нарушением норм других отраслей права.

О присутствии генетических связей между отраслями следует говорить и тогда, когда нормативные предписания одной отрасли учитываются в содержании другой. Такой юридико-технический прием часто используется среди различных видов принудительной юридической ответственности, например среди видов имущественной ответственности, понимаемой нами в широком смысле, где гражданско-правовая ответственность - лишь отдельный ее вид.

Присущие институту наказательной гражданско-правовой ответственности свойства и черты проходят соответствующую "специализацию" (по используемому в литературе термину) в институтах имущественной ответственности трудового, земельного, водного и т.д. права. Специализация настолько высока, что придает соответствующим институтам определенную специфику на уровне отдельных видов наказательной правовой ответственности. Все они в своих исходных позициях "программируются" гра-

жданско-правовой ответственностью и в то же время существенно от нее отличаются.

Отражением углубляющейся специфики отдельных видов принудительной юридической ответственности цивилистической группы является учет этой тенденции при кодификации ряда отраслей законодательства.

Кодификация трудового законодательства восполнила очень многие пробелы в области регулирования материальной ответственности. Причем в ходе кодификации, по верному утверждению Н.И. Титовой, идет непрерывный процесс дифференциации норм, регулирующих материальную ответственность в трудовых отношениях, отделения их от норм гражданского права; это утверждение справедливо и сейчас¹³⁷. Закрепление материальной (таксовой) ответственности в отношении по охране окружающей среды нашло в кодификации природоохранительного законодательства.

Особая как бы возвышающая роль принудительной гражданско-правовой ответственности среди других видов имущественной ответственности определяется не только ее изначальностью для последних, но и характером генетических связей с порождаемыми ею разными видами имущественной ответственности.

Как известно, наказательная гражданско-правовая ответственность реально представлена в двух ее подвидах: договорной и деликтной. Своеобразие последней заключается в том, что она возникает не на основе уже существующего правоотношения, а самостоятельно. Эта особенность деликтной ответственности определила широкое ее использование в других отраслях права, когда в них не были развиты свои виды материальной ответственности. Указанное положение и послужило основанием для утверждения о гражданско-правовом характере любого вида имущественной ответственности¹³⁸. Однако использование положений деликтной ответственности в других отраслях права как до принятия специальных норм, регулирующих определенный (отраслевой) вид ответственности, так и после их принятия лишь подчеркивает глубокую генетическую связь гражданско-правовой ответственности с другими видами имущественной ответственности; при этом не умаляя отраслевой специфики последних.

Вообще наличие генетических связей между видами принудительной юридической ответственности будет фиксироваться всегда и не только в смысле "прародительства", но и в функциональном отношении через использование общих положений (понятий) и субсидиарного применения норм. Однако П.Р. Ставиский применение норм смежных отраслей права в субсидиарном порядке рассматривает как вынужденную меру, что следу-

¹³⁷ См.: Титова Н.И. Материальная ответственность работников сельскохозяйственных предприятий. М., 1978. С. 36.

¹³⁸ См.: Ставиский П.Р. Материальная ответственность в трудовом праве // Советское государство и право. 1978. № 5. С. 72.

ет стремиться исключить путем разработки и принятия соответствующих норм¹³⁹.

Такая позиция представляется слишком категоричной и не отражает диалектики правового развития различных видов имущественной ответственности. Во-первых, применение норм в субсидиарном порядке - это не вынужденная мера, а закономерный процесс, обусловленный постоянным развитием и совершенствованием общественных отношений, предполагающий и соответствующий к нему подход, как к осознанной необходимости. Нормативное отставание, связанное с социальным развитием, "неизбежно будет вызывать и в дальнейшем потребность восполнения пробелов путем субсидиарного использования норм смежных отраслей"¹⁴⁰. Во-вторых, в массе случаев, требующих применение в субсидиарном порядке тех или иных норм права, неизбежно выкристаллизовывается то общее, что отражает интеграционные тенденции среди видов принудительной юридической ответственности. Таким "общим" могут быть: принципы, понятия, юридические конструкции и т.д. Безусловно, что использование этих общих положений, да к тому же и законодательно оформленных отдельным нормативным актом, будет значительно упрощать правовое регулирование различных видов имущественной ответственности.

И не только процессы совершенствования и развития общественных отношений обуславливают применение норм в субсидиарном порядке, но и сам характер общественных отношений делает это неизбежным, поскольку общественные отношения взаимодействуют друг с другом различными сторонами, что вызывает их взаимопроникновение, перекрещивание и делает границы между ними условными, размытыми. Это свойство проявляется и в праве, вызывая, в частности, появление межотраслевых комплексных правовых институтов¹⁴¹.

Проведенная кодификация в трудовом праве, связанная с принятием Положения о материальной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации, 13 июля 1976 г., не устранила (и не могла устранить) субсидиарное применение норм гражданского права. Также в институте возмещения работодателем вреда, причиненного работникам увечьем, профзаболеванием, либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей, регулируемым соответствующими Правилами¹⁴² широко использу-

¹³⁹ См.: Ставиский П.Р. Проблемы материальной ответственности в советском трудовом праве. Киев-Одесса, 1982. С. 142.

¹⁴⁰ Поленина С.В. Субсидиарное применение норм гражданского законодательства к отношениям смежных отраслей // Советское государство и право. 1967. №4. С. 24.

¹⁴¹ См.: Молодцов М.В. Указ. соч. С. 19-21.

¹⁴² Правила утверждены Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 24 декабря 1992 г. // См.: Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 2. Ст.71.

ются наряду с нормами трудового права нормы гражданско-правовые, регулирующие вопросы возмещения вреда.

В результате отпочкования от гражданского права таких отраслей, как трудового, в свое время колхозного и других, было заимствовано наряду с определенной частью имущественных отношений и соответствующее средство их охраны в виде материальной ответственности. Похожую генетическую связь можно увидеть и при сопоставлении административной и дисциплинарной ответственности.

Трудовое право (как впрочем и колхозное), позаимствовав определенные черты административного права, переняло и специфическое средство охраны, но уже обогащенное спецификой трудовых (рабочих, служащих и колхозников) отношений - дисциплинарную ответственность¹⁴³.

Тесная генетическая связь существует между уголовной и административной ответственностью. Это сопряжено прежде всего с близостью их природы и решаемыми задачами. В отличие от внутриорганизационного характера дисциплинарной ответственности уголовная и административная ответственность реализуется посредством внешневластного принуждения.

Меры ответственности применяются к нарушителям, не находящимся в служебном подчинении у юрисдикционных органов. Генетическая связь уголовной и административной ответственности очень хорошо прослеживается, когда проводится сравнительный анализ норм общей части кодекса об административных правонарушениях и уголовного кодекса. При этом нетрудно убедиться, что многие положения общей части КоАП генетически обусловлены соответствующими положениями уголовного кодекса. Так, это касается определения форм вины, необходимой обороны и крайней необходимости, обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность, и т.д. Вообще сама структура КоАП, представленная материально-правовыми нормами, в значительной мере сориентирована на уголовный кодекс.

Такая близость уголовной и административной ответственности предопределена системой (различающейся главным образом лишь степенью вредности) правонарушений, обусловленной многочисленными факторами экономического, политического, идеологического и личного характера¹⁴⁴.

Отмеченные внутренние генетические связи между видами принудительной юридической ответственности в той или иной мере присущи и институту позитивной юридической ответственности. Например, их легко увидеть при сопоставлении норм поощрения трудового и исправительно-трудового права, трудового и административного права и т.д.

Одним из важных условий единства межотраслевого комплексного института принудительной юридической ответственности является на-

¹⁴³ См.: Ставиский П.Р. Материальная ответственность в трудовом праве. С.71.

¹⁴⁴ См.: Шергин А.П. Административная юрисдикция. М., 1979. С. 50.

личие в нем функциональных связей. Это особый вид связей правовых норм, представляющий собой такую зависимость между нормами, при которой действие одной нормы (группы норм) побуждает к действию другую норму (группу норм) либо, напротив, возникает в зависимости от действия другой нормы (группы норм)¹⁴⁵. В философской и правовой литературе функциональные связи любой органичной системы обычно подразделяются на связи субординации, координации и управления. Все указанные подвиды функциональных отношений в той или иной мере присущи межотраслевому комплексному институту принудительной ответственности как неотъемлемой части органически целостной системы права.

Говоря о связях субординации применительно к различным видам ответственности, справедливо будет заметить, что приоритет одного из них, выражающийся в иерархической зависимости, необходимо исключить. Это обусловлено прежде всего как равной значимостью всех видов ответственности, так и их спецификой. Функциональная связь субординации внутри межотраслевого комплексного института принудительной юридической ответственности осуществляется лишь по линии: нормы (виды) юридической ответственности с задачами¹⁴⁶, целями, функциями и принципами принудительной юридической ответственности. Проследим эту связь на примере принципов. Ответственность, как и любой другой институт, основывается на системе определенных принципов¹⁴⁷. Учет этих принципов осуществляется не только при теоретических разработках, но и в правотворчестве, и в правоприменении. Несмотря на их особую важность как основных начал, направляющих правовое регулирование в вопросах ответственности, обеспечивающих взаимосогласованность различных видов ответственности и цементирующих межотраслевой комплексный институт принудительной юридической ответственности как единое целое, они до сих пор не нашли законодательного закрепления. Общие принципы института принудительной юридической ответственности проникают в правовую ткань, проецируясь в конкретный отраслевой институт наказательной юридической ответственности через соответствующие субординационно-подчиненные принципы этих институтов. Между принципами отраслевого института принудительной ответственности и его нормами существует также субординационная, но уже конкретная функциональная зависимость.

Важная роль в объединении норм (и институтов) наказательной юридической ответственности в единую систему принадлежит функциональным

¹⁴⁵ См.: Кирин В.А. Функциональные связи правовых норм // Советское государство и право. 1972. № 5. С. 35.

¹⁴⁶ Задачи межотраслевого комплексного института наказательной юридической ответственности состоят в охране правопорядка. Свою конкретизацию они находят в задачах отраслевых видов принудительной юридической ответственности, например в ст.1 Уголовного кодекса РСФСР, в ст.1 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях.

¹⁴⁷ См.: Черданцев А.Ф. Системообразующие связи права // Советское государство и право. 1974. № 8. С. 12.

связям координации. Они наиболее широко используются в едином охранительном механизме системы права, обеспечивая его гибкость и согласованность.

Одной из форм координационного взаимодействия между уголовной и административной ответственностью является борьба с некоторыми видами правонарушителей с помощью как административных, так и уголовно-правовых мер воздействия. Так, в действующем законодательстве имеются составы преступлений с административной преюдицией. В конструкции составов преступлений с административной преюдицией и в борьбе с данными правонарушениями отчетливо проявляется один из основных принципов российской юрисдикции: принцип экономии принудительных средств¹⁴⁸. Суть указанного взаимодействия заключается в том, что уголовная ответственность за правонарушение возможна только после наложения административного взыскания. Таким образом, административное правонарушение является обязательной предпосылкой или необходимым функциональным звеном в последовательной цепи однородных правонарушений, ведущих к уголовной ответственности. "Очевидно, что аналогичное деяние, совершенное лицом после того, как оно уже было предупреждено и наказано за подобные же деяния, содержит в себе большую степень общественной опасности"¹⁴⁹. В качестве примеров составов преступлений, предусматривающих административную преюдицию, могут служить ст. 162 УК РСФСР (уклонение от подачи декларации о доходах), ст. 166 ч.1 УК РСФСР (незаконная охота) ст. 230 УК РСФСР (жестокое обращение с животными) и др.

Связи координации между административной и уголовной ответственностью проявляются не только в указанном ранее смысле, но и в привентивном аспекте. Так, применение административных мер за проступки является в то же время средством борьбы с преступлениями, в свою очередь, наказания за преступления, состав которых предусматривает административную преюдицию, предупреждают не только преступления, но и административные проступки.

Другой формой координации служит возможность замены уголовной ответственности административной.

В соответствии со ч. 3 ст. 50 УК РСФСР лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, не представляющее большой общественной опасности, может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление и перевоспитание возможно без применения уголовного наказания. В этом случае оно может быть либо привлечено к административной ответственности (согласно ст. 50 УК), либо к нему могут быть применены меры общественного воздействия.

¹⁴⁸ См.: Шергин А.П. Указ. соч. С. 51.

¹⁴⁹ Иванов В.Н. Соотношение уголовной и административной ответственности // Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды ВНИИСЗ. М., 1983. Вып. 26. С.143.

Такая возможность замены одного вида ответственности другим охватывает широкий круг преступлений, за совершение которых уголовный закон предусматривает наказание не свыше одного года лишения свободы, либо иное более мягкое наказание.

Как видим, законодатель допускает борьбу с определенной категорией преступлений (и преступников) мерами административной ответственности. Правда, при этом необходимо соблюдать два условия: небольшую степень общественной опасности деяния, оценкой чего служит санкция нарушенной нормы (наказание не свыше одного года лишения свободы) и возможность социализации преступника мерами менее репрессивными - административно-правовыми.

Функциональные связи координации уголовной, административной, с одной стороны, и гражданско-правовой - с другой, основываются на том, что совершение уголовных и административных правонарушений иногда связано с причинением материального ущерба. При этом характер нанесенного ущерба, а так же его размер учитываются не только при определении вида и размера уголовного наказания или административного взыскания, но и при отграничении преступлений от проступка; при юридической квалификации различных общественно опасных деяний.

В данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда одним противоправным действием одновременно нарушаются нормы уголовного и гражданского права либо административного и гражданского права. Иначе говоря, происходит кумуляция двух различных правонарушений, что предполагает и кумуляцию соответствующих видов юридической ответственности. Между тем суммирование правонарушений и их совмещение характеризуют единство оснований для обоих видов ответственности, но не свидетельствуют о передаче функций от одного вида к другому, поскольку каждый вид ответственности, кроме общих целей, присущих юридической ответственности вообще, преследует и достижение своих специфических целей¹⁵⁰.

Похожая обстановка складывается, когда в результате дисциплинарного проступка наступает материальный ущерб. Здесь причинивший ущерб рабочий или служащий не просто нарушает внутренний трудовой распорядок предприятия, учреждения, организации, а своими действиями (бездействием) наносит еще и вред имуществу. Тут также имеет место кумуляция дисциплинарного проступка и имущественного правонарушения, поскольку причинение ущерба затрагивает одновременно различные стороны (имущественные и неимущественные) внутреннего трудового распорядка, и это влечет соответственно дисциплинарную и материальную ответственность.

¹⁵⁰ См.: Шевченко Я.Н. Правовое регулирование ответственности несовершеннолетних. Киев, 1976. С. 145.

Речь уже шла о генетической обусловленности дисциплинарной ответственности административно-правовой, однако взаимосвязь между ними осуществляется и по линии функциональной.

Дисциплинарная ответственность направлена главным образом на обеспечение и охрану правил, которые регулируют объединенную деятельность людей, участвующих в каком-либо процессе, требующем четкой организации, подчинения воли всех участников этого процесса единому централизованному руководству¹⁵¹. Таковыми являются трудовой и учебный процессы, служба в вооруженных силах, МВД и т.д. Функциональная связь координации указанных видов принудительной ответственности осуществляется в основном в двух направлениях. Так, дисциплинарная ответственность как следствие реализации внутренних дисциплинарно-властных полномочий соответствующего органа или должностного лица используется не только для борьбы с нарушениями служебной дисциплины, но и с нарушениями общественного порядка.

Согласно ст. 16 КоАП РСФСР, военнослужащие и призванные на сборы военнобязанные, а также лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел несут ответственность за административные правонарушения по дисциплинарным уставам. Дисциплинарную ответственность за нарушение общеобязательных правил могут нести лица за действия, не совместимые с их служебным положением, например, судьи, прокуроры, преподаватели и др.

В свою очередь, нарушение трудовых обязанностей соответствующими должностными лицами может в отдельных случаях служить основанием для привлечения их к административной ответственности. Так, например, в главе 8 КоАП РСФСР перечислены административные правонарушения в области промышленности, использование тепловой и электрической энергии. Ознакомление с диспозициями статей, входящих в эту главу, убеждает, что административная ответственность должностных лиц наступает за невыполнение или ненадлежащее исполнение ими своих трудовых обязанностей. Они же за те же самые нарушения могут быть подвергнуты одновременно и дисциплинарной ответственности, что на практике нередко случается. Поэтому следует присоединиться к мнению, что подобная кумуляция административной и дисциплинарной ответственности вряд ли может быть признана правильной, так как здесь налицо не только нерациональное использование по одному делу двух видов ответственности, но и несоблюдение такого важного принципа, как "не дважды за то же"¹⁵². Кроме того сложившаяся ситуация противоречит п. 3 ст. 34 Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г., согласно которой никто не должен дважды нести юридическую ответственность за одно и то же правонарушение.

¹⁵¹ См.: Шергин А.П. Указ. соч. С. 57.

¹⁵² См.: Шергин А.П. Указ. соч. С. 58.

Выражением функциональных связей координации, особенно среди родственных отраслей, является возможность субсидиарного применения норм ответственности одной отрасли права при регулировании отношений ответственности, входящих в сферу действия другой отрасли. Нужно иметь в виду, что функциональная взаимосвязь между отраслями, образующими одну правовую семью, часто выражают генетические связи. Это сопряжено с тем, что родство определенной группы отраслей есть результат связей между отраслями "по происхождению" - генезису их формирования¹⁵³.

Под субсидиарным применением обычно понимают использование по аналогии нормы другой, чаще всего смежной отрасли права. Иначе говоря, осуществляется помощь со стороны другой отрасли права определенной нормой. В качестве примера широкого использования норм в субсидиарном порядке при решении вопросов, связанных с ответственностью, служило колхозное право. При регулировании колхозных отношений очень часто применялись нормы трудового и реже гражданского права. В свою очередь в трудовом праве используются нормы гражданского права, и наоборот.

Так, ст. 402 ГК РФ предусматривает ответственность должника за своих работников. Для того, чтобы уяснить, что же следует понимать в юридической интерпретации под словом "работник", необходимо обратиться к ст. 15 КЗоТ РФ, из смысла которой следует, что им является гражданин, с которым заключается трудовой договор (контракт).

В ряде случаев при разрешении семейных дел используются нормативные положения гражданского права, а при разрешении "чисто" гражданских дел - нормы пенсионного и жилищного законодательства. Функциональные связи прослеживаются и между неоднородными отраслями.

Так, согласно ч. 3 ст. 32 УК РСФСР, возможна такая мера наказания, как возложение обязанности возместить материальный ущерб своими средствами. Между тем, уголовное право не содержит таких норм, которые регулировали бы порядок и условия определения такого ущерба, не знает понятий "убыток", "неполученные доходы" и т.д., без чего невозможно определить ущерб. Приходится заимствовать соответствующие правила из Гражданского кодекса¹⁵⁴, в частности из ст. 15 ГК РФ.

В российском праве имеются понятия, которые широко используются в межотраслевом плане, хотя закрепляются и расшифровываются в одной или нескольких отраслях права.

Так, определение понятий "необходимая оборона", "крайняя необходимость", "умысел", "неосторожность" имелись до недавнего времени только в уголовном праве (сейчас с принятием КоАП имеются и в административном праве). Указанные правовые понятия восприняты гражданским и ины-

¹⁵³ См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С. 243.

¹⁵⁴ См.: Ставиский П.Р. Проблемы материальной ответственности в советском трудовом праве. С. 131.

ми отраслями права и, конечно, решая вопросы об ответственности, следует исходить из определений, данных в УК и КоАП. К таким межотраслевым понятиям следует отнести и понятие ущерба или вреда, даваемые в гражданском праве. Наличие в сфере ответственности единых межотраслевых, а также общеправовых понятий (например, противоправное деяние, вредные последствия, вина, смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства и т.д.) обуславливает в межотраслевом комплексном институте принудительной юридической ответственности существование функциональных связей управления. По существу, единые понятия - это дефинитивные нормы принудительной юридической ответственности, которые, как и дефинитивные нормы, вообще предписывают то или иное понимание терминов, заключенных в других нормах, обеспечивают их единообразное понимание и применение, в конечном счете способствуют единству и согласованности норм системы права¹⁵⁵.

Межотраслевому комплексному институту позитивной юридической ответственности также характерны все виды функциональных связей. Наличие своих задач (совершенствование общественных отношений), целей, функций и принципов у позитивной юридической ответственности предполагает связи субординации. Функциональные связи координации проявляются у этого института, например, когда процесс формирования фондов экономического стимулирования регламентируется нормами административного, гражданского и финансового права, а отношения по премированию конкретных работников регулируется нормами трудового права¹⁵⁶. Поскольку для всего института позитивной юридической ответственности имеются единые понятия (образцовое поведение, заслуга, подвиг, одобрение, поощрение, награждение и т.д.), то можно утверждать о наличии в этом институте функциональных связей управления.

Известную сложность и, что, пожалуй, самое важное для объективирования межотраслевых комплексных институтов принудительной и позитивной юридической ответственности, представляет выявление и изучение их связей строения.

Эти связи нетрудно обнаружить, когда предметом исследования является норма ответственности, либо институт или отрасль уголовного права. Это они обеспечивают жесткие сцепления в том или ином отраслевом институте принудительной юридической ответственности между нормами, содержащими общие и специальные положения. Но как быть, если речь идет не о конкретном виде принудительной правовой ответственности, а о наказательной и позитивной ответственности, взятых в более широком межотраслевом плане. Где должны быть эти сцепления? И с чем?

С.С. Алексеев пишет: "Прежде всего некоторые группы функциональных зависимостей только внешне выражают связи более глубокого поряд-

¹⁵⁵ См.: Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 15.

¹⁵⁶ См.: Сейнаров Б.М. План и договор: материальное стимулирование. М., 1989. С. 49.

ка, которые могут быть названы внутрисистемными или связями строения"¹⁵⁷.

Следовательно, хотя и внешне, но все же форма проявления связей строения - это функциональные связи. Эти связи прослеживаются через единые общеправовые понятия и конструкции такие как субъекты и объекты правоотношений, событие и действие и др., преломленные через призму наказательной и позитивной юридической ответственности и нашедшие специфическое проявление в некоторых отраслях права. Связи строения межотраслевых комплексных институтов принудительной и позитивной юридической ответственности проявляются также в обусловленности всех их отраслевых субинститутов с задачами, целями, функциями и принципами (гуманизм, законность, справедливость и др.) права.

Указанные связи строения, а также генетические, функциональные связи доказывают объективное существование в системе права межотраслевых комплексных институтов наказательной и позитивной юридической ответственности.

Исходя из структурно-функционального подхода, базирующегося на отмеченных связях в системе права, можно обнаружить и более мелкие структурные образования, являющиеся составной частью межотраслевого комплексного института принудительной юридической ответственности.

Так, наличие общих положений (понятий) для всех видов имущественной ответственности, а также отраслевых положений, используемых в качестве межотраслевых, обуславливает субсидиарное применение норм других отраслей права, регулирующих тот или иной вид имущественной ответственности.

В связи с этим в литературе верно замечено, что: "Применение же в субсидиарном порядке норм, регулирующих материальную ответственность, свидетельствует не только о взаимосвязи отраслей права, но и о том, что отраслевые подвиды материальной ответственности закономерно объединяются в одном из видов юридической ответственности - материальной ответственности, имеющей общеправовое значение"¹⁵⁸.

Правда, не все положения данного высказывания являются правильными. Практически нет права "вообще", как нет "вообще" юридической ответственности. Есть российское трудовое, земельное право; есть гражданская, административная, уголовная ответственность и т.д.¹⁵⁹

Следовательно, нельзя привлечь то или иное лицо к имущественной (или материальной) ответственности "вообще", а только к конкретному отраслевому виду имущественной ответственности.

Поэтому отношение П.Р. Стависского к отдельным видам имущественной ответственности как подвидам, а также к имущественной ответственности как к виду (которая, в свою очередь, нами понимается как родовое

¹⁵⁷ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 40.

¹⁵⁸ Стависский П.Р. Указ. соч. С. 141.

¹⁵⁹ См.: Титова Н.И. Указ. соч. С. 81.

понятие по отношению к отдельным видам имущественной ответственности) является, на наш взгляд, ошибочным.

Вместе с тем отмеченный им интеграционный процесс свидетельствует о существовании и дальнейшем развитии функционального межотраслевого комплексного института имущественной ответственности.

К межотраслевому, объединяющему нормы трудового, административного, кооперативного и исправительно-трудового права, относится и институт дисциплинарной ответственности.

Для функционирования данного института не характерно субсидиарное применение норм одной отрасли для регулирования отношений дисциплинарной ответственности в другой, хотя в принципе и возможно.

Например, в ч. 3 ст. 135 КЗоТ РФ говорится по поводу учета смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств при наложении дисциплинарных взысканий. Однако в трудовом праве перечня таких обстоятельств нет. Следовательно, при наложении дисциплинарных взысканий на работников можно воспользоваться положениями ст.ст. 34-35 КоАП РСФСР, содержащими такие перечни.

Поскольку субсидиарность не свойственна межотраслевому комплексному институту дисциплинарной ответственности, то цементирующим началом, дающим ему право на самостоятельное структурное подразделение в системе права, являются общие для всех отраслевых видов дисциплинарной ответственности положения. К ним относятся задачи, цели, функции, принципы дисциплинарной ответственности, правовые конструкции (например, состав дисциплинарного проступка) и т.д.

В юридической литературе по вопросам круга норм, входящих в межотраслевой комплексный институт дисциплинарной ответственности, или, иначе говоря, по вопросу его комплексности, не существует однозначного решения.

Так, Д.Н. Бахрах, хотя и считает, что указанный институт объединяет нормы только четырех отраслей права¹⁶⁰, однако полагает, что дисциплинарным проступком могут быть нарушены нормы, по существу, всех отраслей права. Например, несвоевременно составляя списки избирателей, работники местной администрации совершают дисциплинарные проступки: нарушают нормы государственного права; нарушение следователем и судьей норм УПК и УК - это тоже, как правило, дисциплинарный проступок¹⁶¹. Таким образом, если следовать последнему высказыванию автора, то напрашивается вывод о том, что межотраслевой институт дисциплинарной ответственности, по сути, включает нормы всех отраслей права.

¹⁶⁰ См.: Бахрах Д.Н. Ответственность органов государственного управления и должностных лиц за нарушение прав граждан // Гражданин и аппарат управления. М., 1984. С.134.

¹⁶¹ См.: Бахрах Д.Н. Укрепление законности в государственном управлении в свете решений XXVII съезда КПСС // Советское государство и право. 1987. № 7. С. 10.

Еще дальше в этом направлении идет Ю.С. Адушкин. Так, он считает, что раз обязанности ряда лиц наряду с трудовым правом подвержены также специальной регламентации, например в административном или уголовно-процессуальном праве, то и ответственность за нарушения этих обязанностей носит разноотраслевой характер, поскольку составы дисциплинарных правонарушений определяются не только нормами трудового права¹⁶². Однако мнение Ю.С. Адушкина о разноотраслевом характере дисциплинарной ответственности не только размывает сколько-нибудь четкие границы института дисциплинарной ответственности, но и приводит к ошибочному выводу о том, что дисциплинарная ответственность имеет место, например, в уголовно-процессуальном, финансовом либо земельном праве.

Безусловно, правовая материя той или иной отрасли права используется при конструировании норм, регламентирующих обязанности субъектов дисциплинарной ответственности, что, как известно, предопределено системностью права. Однако из этого отнюдь не следует, что одна и та же норма должна принадлежать одновременно двум и более отраслям права.

В связи с этой проблемой ее удачное решение, на наш взгляд, предлагается Ю.Г. Попоновым.

Он, в частности, указывает, что, например, администратор, финансовый инспектор, прокурор, следователь и др., помимо трудовых правоотношений вступают и в иные правоотношения (административные, финансовые, уголовно-процессуальные и др.), которые будут элементами трудового правоотношения. Иначе говоря, в данных случаях содержанием трудовых правоотношений является выполнение определенных должностных функций, а именно: административной деятельности. При этом Ю.Г. Попонов верно подчеркивает, что не всегда трудовые правоотношения выступают в сложном межотраслевом правоотношении в качестве главенствующих, поскольку и они могут быть элементами иных правоотношений¹⁶³. Таким образом, приоритет (главенство) правового содержания той или иной отрасли в норме, закрепляющей обязанности субъектов дисциплинарной ответственности, должен быть положен в основу определения комплексности межотраслевого института дисциплинарной ответственности. Таким приоритетом в этом институте обладают нормы трудового, административного, исправительно-трудового права.

Очевидно, что структурные образования, входящие в межотраслевой комплексный институт принудительной юридической ответственности, о которых только что шла речь, объективно требуют для своего развития определенных мер законодательного плана.

¹⁶² См.: Адушкин Ю.С. Дисциплинарное производство в СССР. Саратов, 1986. С. 40.

¹⁶³ См.: Попонов Ю.Г. Дифференциация в правовом регулировании общественных отношений по участию в труде // Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды ВНИИСЗ. М., 1980. Вып. 17. С.142-143.

В главе первой исследовалась юридическая ответственность в единстве ее двух аспектов. Причем целостность юридической ответственности была подтверждена анализом взаимосвязей между целями и функциями наказательной и позитивной ответственности.

Указанный вывод логично предполагает рассмотрение юридической ответственности как функционального межотраслевого комплексного института, объединяющего институты принудительной и позитивной ответственности. Справедливость данного утверждения подкрепляется не только отмеченной взаимосвязью между принудительной и позитивной ответственностью, а также и другими предпосылками.

Диалектика развития общественных отношений объективно предполагает переход от конфликтных отношений и низших стереотипов поведения к высшим. Следовательно, межотраслевой комплексный институт юридической ответственности внешне генетически обусловлен. У него есть общие для наказательной и позитивной ответственности задачи (укрепление, развитие и совершенствование общественных отношений), цели, функции и принципы. Кроме этого, взаимосвязь принудительной и позитивной юридической ответственности проявляется по линии координации, например, учет былых заслуг при наложении дисциплинарного взыскания или освобождения от уголовного наказания по амнистии по той же причине, в случаях возмещения убытков лицу предотвратившему угрозу ущерба чужому имуществу и т.д.

Таким образом, у межотраслевого комплексного института юридической ответственности налицо функциональные связи субординации и координации. Присущи ему и связи строения, прослеженные через те же общеправовые понятия, конструкции и принципы, о которых говорилось применительно к принудительной и позитивной ответственности, но уже преломленные через призму юридической ответственности как единой категории.

Важно провести и ту грань, которая отделяет (и связывает) институт наказательной и позитивной юридической ответственности. Эта грань лежит в сфере умеренно-позитивной юридической ответственности, где выполнение нормативных требований не только поощряется, но и обусловлено угрозой наказания (взыскания).

Межотраслевой функциональный комплексный институт юридической ответственности с помощью мер ответственности (наказаний и поощрений) генерирует состояние ответственности (то или иное качество правомерного поведения).

Как меры ответственности, так и состояние юридической ответственности всегда предполагают друг друга; в отдельности в правовой сфере они немислимы. Это еще раз доказывает необходимость видения юридической ответственности в единстве ее принудительного и позитивного аспектов.

Очевидно, что дальнейшее формирование указанного института, следуя логике его развития в системе права, требует в качестве одного из ва-

риантов принятия единого законодательного акта. Думается таковым должен быть закон Российской Федерации "О юридической ответственности". Указанный нормативный акт для повышения его эффективности должен включать не только материальные, но и процессуальные нормы.

Закон "О юридической ответственности" мог бы иметь примерно такую структуру:

I. Общие положения.

Содержание этого раздела следует изложить в виде преамбулы, из смысла которой вытекают бы задачи, цели, функции и принципы юридической ответственности, показывающие взаимосвязь и единство ее аспектов (институтов).

II. Позитивная юридическая ответственность.

Сюда следует включить:

а) задачи, цели, функции и принципы позитивной юридической ответственности;

б) подвиды позитивной ответственности и способы ее реализации;

в) поощрения за успехи в государственной или общественной деятельности. Здесь необходимо дать унифицированный для всех отраслей законодательства (или для большинства) перечень мер поощрения, либо для каждой отрасли законодательства в отдельности. При этом обязательно выделить меры поощрения за особые заслуги;

г) порядок и условия применения мер поощрения;

д) компетенция органов по установлению и применению поощрений;

е) преимущества и льготы для граждан, успешно и добросовестно исполняющих свои обязанности, а также социально-активно реализующие свои права;

ж) основание и порядок лишения поощрений;

з) соотношение мер поощрения с мерами наказания (взыскания).

III. Принудительная (наказательная) юридическая ответственность.

а) задачи, цели, функции и принципы принудительной юридической ответственности. Здесь необходимо закрепить, помимо предлагаемых в литературе принципов, в качестве основного принципа - презумпцию невиновности.

Должны презюмироваться (до предоставления доказательств противного в рамках той или иной процедуры) невиновность лиц, привлеченных не только к уголовной, но и к административной, дисциплинарной ответственности, а также добросовестность ответчиков в гражданском процессе (до предоставления истцом доказательств, достаточных для обоснования исковых требований)¹⁶⁴.

Думается, что включение этого принципа в закон о юридической ответственности было бы проявлением не только уважения чести и достоинства граждан, но в то же время обязывало бы должностных лиц (и коллегиаль-

¹⁶⁴ См.: Петрухин И.Л. Презумпция невиновности - конституционный принцип советского уголовного процесса // Советское государство и право. 1978. № 12. С.20-21.

ные органы) обвинять и привлекать людей к наказательной правовой ответственности, лишь имея веские основания¹⁶⁵.

б) виды принудительной юридической ответственности;

в) правотворческая компетенция государственных органов в области принудительной юридической ответственности;

г) основание возникновения правоотношения наказательной юридической ответственности. Тут помимо правонарушения необходимо максимально детально отразить субъектов юридической ответственности, дать развернутые дефиниции форм вины, отразить виды ущерба (вреда), причиненного правонарушением: моральный, физический, имущественный, экологический; указать размеры объема возмещаемого ущерба: ограниченный, в полном объеме, убытки (положительный ущерб и упущенная выгода), в повышенных размерах; случаи, когда возможно возмещение ущерба без вины причинителя вреда;

д) обстоятельства, освобождающие от принудительной юридической ответственности; крайняя необходимость (в определенных законом случаях), необходимая оборона, невменяемость, научный и производственно-хозяйственный риск;

е) меры принудительной юридической ответственности и средства общественного воздействия. Здесь необходимо указать, что за правонарушения к лицам, их допустившим, применяются меры уголовного, административного, дисциплинарного и имущественного характера. В определенных законом случаях к этим лицам вместо перечисленных мер могут применяться меры общественного воздействия в соответствии с тем или иным нормативным актом, регулирующим деятельность определенной общественной организации (органа). Надо указать также сроки применения мер юридической ответственности и сроки их снятия;

ё) обстоятельства, смягчающие наказательную правовую ответственность, либо усиливающие ее. Думается, незачем перечислять все смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства, содержащиеся в отраслевом законодательстве, однако в обобщенном виде это следует сделать. Например, при наложении меры принудительной юридической ответственности должны учитываться тяжесть совершенного правонарушения, обстоятельства, при которых оно совершено, предшествующее поведение;

ж) лица и органы, возбуждающие производство, связанное с наложением мер принудительной юридической ответственности;

з) порядок рассмотрения материала о правонарушении и принятие решения. Тут можно вкратце отразить процессуальные особенности, связанные с привлечением к разным видам наказательной юридической ответственности, а также виды принимаемых решений (приговор, постановление, приказ и т.д.);

¹⁶⁵ См.: Гуляев А.П. Социально-политический аспект презумпции невиновности // Советское государство и право. 1988. № 4. С. 35.

и) обжалование принятых мер принудительной юридической ответственности. Здесь помимо органов, куда следует обращаться с жалобой, следует указать на срочность обжалования, а также недопустимость усиления наказания по жалобе лица, привлеченного к ответственности;

й) пересмотр решения о наложении меры ответственности в порядке надзора. Тут следует указать на органы, правомочные решать такие вопросы, а также последствия по принятым ими решениям;

к) порядок исполнения и снятия мер принудительной юридической ответственности. Здесь можно ограничиться указанием на добровольность и принудительность исполнения решения о принятых мерах правовой ответственности, а также о срочности состояния наказательной юридической ответственности и возможности сокращения этого состояния путем примерного поведения.

Принятие Закона "О юридической ответственности" будет не только концентрацией нормативно общего, присущего всем или некоторым отраслевым видам юридической ответственности, но обеспечит его фактическую применимость на практике как правотворческими, правоприменительными органами, так и отдельными гражданами.

Очевидно и то, что принятие данного закона будет еще одним крупным шагом по пути демократизации нашего общества, дальнейшего повышения гарантий прав и законных интересов россиян.

С принятием закона Российской Федерации "О юридической ответственности" должны быть приведены в соответствие с ним другие нормативные акты, регулирующие вопросы юридической ответственности.

Вопросы для самопроверки

1. Назовите виды межотраслевых комплексных институтов в системе права.

2. Каковы предпосылки возникновения и развития межотраслевых комплексных институтов позитивной и наказательной юридической ответственности в системе права?

3. В чем состоит роль генетических, функциональных связей и связей строения в формировании межотраслевого комплексного института юридической ответственности?

Список рекомендуемой литературы

Основная

1. Аверьянов А.Н. Системное познание мира. М., 1985.
2. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.
3. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972. Т.1.
4. Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975.
5. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981. Т.1.
6. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1982. Т.2.
7. Алексеев С.С. Теория права. М., 1993.
8. Ардашкин В.Д. О принуждении по советскому праву // Советское государство и право. 1970. № 7. С.33-39.
9. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание, управление. М., 1981.
10. Базылев В.Т. Об институте юридической ответственности // Советское государство и право. 1975. № 1. С. 110-115.
11. Базылев В.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск, 1985.
12. Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978.
13. Бахрах Д.Н. Ответственность органов государственного управления и должностных лиц за нарушение прав граждан // Гражданин и аппарат управления в СССР. М., 1984. С. 123-142.
14. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
15. Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Ответственность в системе конституционных норм. Воронеж, 1985.
16. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. (Очерк теории). М., 1976.
17. Братусь С.Н. Соотношение системы права и системы законодательства // Система советского законодательства. М., 1980.
18. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР. Воронеж, 1970.
19. Звечаровский И.Э. Стимулирование в праве: понятие и структурные элементы // Правоведение. 1993. № 5. С. 112-117.
20. Иванов В.Н. Соотношение уголовной и административной ответственности // Проблемы совершенствования советского законодательства: Тр. ВНИИСЗ. М., 1983. № 26. С. 137-143.
21. Илларионова Т.И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер. Свердловск, 1980.
22. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972.
23. Кирин В.А. Функциональные связи правовых норм // Советское государство и право. 1972. № 5. С. 30-39.
24. Кожевников С.Н. Государственное принуждение: особенности и содержание // Советское государство и право. 1978. № 5. С. 47-53.
25. Козулин А.И. Принуждение в социальном регулировании: правовой аспект // Советское государство и право. 1985. № 3. С. 65-69.

26. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978.
27. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.
28. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986.
29. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М., 1981.
30. Малейн Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985.
31. Назаров Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М., 1976.
32. Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности. Киев, 1985.
33. Плахов В.Д. Социальные нормы: философские основания общей теории. М., 1985.
34. Плахотный А.Ф. Проблемы социальной ответственности. Харьков, 1981.
35. Поленина С.В. Пограничный институт гражданского и трудового права (Возмещение вреда, причиненного здоровью) // Советское государство и право. 1974. №10. С. 60-68.
36. Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Правоведение. 1975. № 3. С. 71-79.
37. Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. М., 1979.
38. Правовая система социализма. Понятие, структура, социальные связи. Кн.1 / Под ред. А.М. Васильева. М., 1986.
39. Правовая система социализма. Функционирование и развитие. Кн. 2 / Под ред. А.М. Васильева. М., 1987.
40. Прохоров В.С. Преступление и ответственность. Л., 1984.
41. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971.
42. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Сущность юридической ответственности в советском обществе. М., 1974.
43. Санталов Л.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982.
44. Система советского законодательства / Под ред. И.С. Самощенко М., 1980.
45. Смирнов В.Н. Обеспечение трудовой дисциплины и бережного отношения к общенародному достоянию средствами трудового права // Проблемы правового регулирования труда в развитом социалистическом обществе. М., 1984. С. 189-220.
46. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1983.
47. Стависский П.Р. Проблемы материальной ответственности в советском трудовом праве. Киев-Одесса, 1982.
48. Тюхтин В.С. Отражение, системы, кибернетика. М., 1972.
49. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974.
50. Черданцев А.Ф. Системообразующие связи права // Советское государство и право. 1974. № 8. С. 10-17.
51. Шевченко Я.Н. Правовое регулирование ответственности несовершеннолетних. Киев, 1976.
52. Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976.

Дополнительная

1. Адушкин Ю.С. Дисциплинарное производство в СССР. Саратов, 1986.
2. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955.
3. Антимонов В.С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. М., 1952.
4. Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976.
5. Бахрах Д.Н. Укрепление законности в государственном управлении в свете решений XXVII съезда КПСС // Советское государство и право. 1987. № 7. С. 3-41.
6. Беляева З.С., Козырь М.И. Сельскохозяйственная кооперация и право // Государство и право. 1992. № 6. С. 59-69.
7. Белякова А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. Теория и практика. М., 1986.
8. Браинин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1968.
9. Василенко В.А. Ответственность государств за международные правонарушения. Киев, 1976.
10. Витрук М.В. Правовой статус советских граждан в развитом социалистическом обществе // Социалистическое право и научно-техническая революция. М., 1979. С. 299-341.
11. Волков В.С. Детерминистическая природа преступного поведения. Казань, 1975.
12. Жеребин В.С. Диалектика социальных противоречий при социализме и право. М., 1986.
13. Казимирчук В.П. Социально-правовая активность личности - существенная часть ее жизненной позиции // Социалистический образ жизни (государственно-правовые проблемы). М., 1980. С. 176-208.
14. Казьмин И.Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. М., 1986.
15. Каламкарян Р.А. Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств. М., 1984.
16. Кучинский В.А. Личность, свобода, право. М., 1978.
17. Лебедев В.М. Воспитательная функция советского трудового права. М., 1981.
18. Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 1-120.
19. Лучин В.О. Процессуальные нормы в советском государственном праве. М., 1976.
20. Лукашева Е.Н. Право, мораль, личность. М., 1986.
21. Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М., 1968.
22. Малеин Н.С. Современные проблемы юридической ответственности // Государство и право. 1994. № 6. С. 23-32.
23. Маркс К. Заметки о новейшей Прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 3-27.
24. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.
25. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовое стимулирование в условиях становления рыночных отношений // Государство и право. 1995. № 4. С. 11-19.
26. Мицкевич А.В. Акты высших органов советского государства. М., 1967.

27. Молодцов М.В. Система советского трудового права и система законодательства о труде. М., 1985.
28. Недбайло П.Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3. С. 44-53.
29. Новиков К.А. Свобода воли и марксистский детерминизм. М., 1981.
30. Нурпеисов Е.К. Психология правомерного поведения. Алма-Ата, 1984.
31. Овчинников Н.Ф. Структура и симметрия // Системные исследования: Ежегодник. М., 1969. С. 111-121.
32. Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976.
33. Петрухин И.Л. Уголовно-процессуальная ответственность // Правоведение. 1984. № 3. С. 61-68.
34. Поленина С.В. Субсидиарное применение норм гражданского законодательства к отношениям смежных отраслей // Советское государство и право. 1967. № 4. С. 21-28.
35. Поленина С.В. Социалистическое право как система // Социалистическое право и научно-техническая революция. М., 1979. С. 47-65.
36. Попонов Ю.Г. Правовое регулирование некоторых форм общественного труда в СССР // Советское государство и право. 1987. № 1. С. 31-39.
37. Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск, 1989.
38. Романов В.И. Имущественная (материальная) ответственность за нарушение законодательства об охране животного мира // Советское государство и право. 1987. № 2. С. 70-77.
39. Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963.
40. Свидерский В.И., Зобов Р.А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. Л., 1970.
41. Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М., 1982.
42. Синюков В.Н. Функции юридических фактов // Вопросы теории государства и права. Личность, право, правовая система. Саратов, 1988. С. 141-151.
43. Сыроватская Л.А. О предстоящей реформе трудового законодательства // Советское государство и право. 1991. № 1. С. 70-79.
44. Смирнов В.Г. Правоотношение в уголовном праве // Правоведение. 1961. № 3. С. 86-98.
45. Сперанская Л.В. Проблема позитивной ответственности и охрана морской среды // Деятельность государств в мировом океане. М., 1983. С. 89-102.
46. Стависский П.Р. Материальная ответственность в трудовом праве // Советское государство и право. 1978. № 5. С. 70-75.
47. Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 72-78.
48. Талалаев А.Н. Право международных договоров: действие и применение договоров. М., 1985.
49. Титова Н.И. Материальная ответственность работников сельскохозяйственных предприятий. М., 1978.

50. Урманцев Ю.Н. Начала общей теории систем // Системный анализ и научное знание. М., 1978. С. 7-41.
51. Шевченко Я.Н. Совершенствование законодательства о семье. Киев, 1986.
52. Шергин А.П. Административная юрисдикция. М., 1979.
53. Шлыков С.А. Функции уголовной ответственности // Проблемы совершенствования советского законодательства: Тр. ВНИИСЗ. М., 1983. № 23. С. 192-203.
54. Шон Д.Т. Конституционная ответственность // Государство и право. 1995. № 7. С. 38-43.
55. Элькин П.С. Категория "цель" и "средство" в сфере уголовно-процессуального регулирования // Советское государство и право. 1972. № 8. С. 98-103.
56. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 1-338.
57. Энгельс Ф. Кондрату Шмидту, 27 октября 1880 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 414-422.
58. Явич Л.С. Право и социализм. М., 1982.
59. Яковлев В.Ф. Сущность и основные черты гражданско-правового метода регулирования общественных отношений // Правоведение. 1972. № 6. С. 81-90.
60. Ямпольская Ц.А. Система советского права и перспективы его развития // Советское государство и право. 1982. № 6. С. 94-95.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. Ответственность как социальная и юридическая категория	5
§ 1. Понятие социальной и юридической ответственности	5
§ 2. Правовая ответственность, санкции и меры защиты	22
§ 3. Правовое отношение ответственности	32
Глава II. Юридическая ответственность, как комплексный межотраслевой институт в системе права	41
§ 1. Структура права и место в ней межотраслевых комплексных институтов	41
§ 2. Генетические, функциональные связи и связи строения межотраслевого комплексного института юридической ответственности	52
Список рекомендуемой литературы	70
Приложение	75

А.П. Чирков

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРАВА

Учебное пособие

Лицензия № 020345 от 27.12.1991 г.
Редактор Н.Н. Мартынюк.